

Я заберу
СВОЮ ДОЧЬ

АЛЕКСАНДРА БАГИРОВА

Александра Багирова

Я заберу свою дочь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69786307

0101

Аннотация

– Мама! Кто этот дядя? – дочь с интересом рассматривает незнакомца.

Если бы я знала, что ответить.

– Я твой отец, – невозмутимо заявляет странный мужик.

– Глупости. У моей дочери есть отец, – мой голос дрожит.

Взгляд его стальных глаз пробирается в душу.

Неподконтрольный страх сковывает тело.

– Я больше скажу, – незнакомец преграждает мне дорогу, – Тут живет, – указывает на мой едва округлившийся живот, – Мой сын.

– Вы ненормальный, – не спрашиваю, утверждаю. – Я вас впервые вижу! – по позвоночнику струится холодный пот.

– Теперь я надолго в твоей жизни, привыкай...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	61
Глава 7	69
Глава 8	84
Глава 9	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Я заберу свою дочь

Автор: Александра Багирова

Глава 1

– Собирай свои манатки и выметайся из моего дома! – раздается голос мужа из коридора.

– Дорогой! Что у тебя за шутки? – выхожу из кухни, вытираю руки о полотенце.

Я только что закончила готовить ужин. Все как Вениамин любит, запеченный лосось, рис, овощи на пару.

– Ты мне больше не нужна, – заявляет с кривой ухмылкой.

– Ты на меня обиделся? Я что-то сделала не так? – спрашиваю дрожащим голосом.

Ничего не понимаю. Мой мозг отказывается воспринимать смысл жутких слов. В груди расплзается жалящая боль.

Еще утром муж желал мне хорошего дня, целовал на прощание. Что могло произойти за день? Он меня разыгрывает? Или срывает свою злость? У него так иногда бывает.

– Все, Любка. Ты сплошное недоразумение в моей жизни, – отталкивает меня плечом и проходит на кухню.

Пошатываюсь. Едва стою на ногах. Хватаюсь за стену. К горлу подступает тошнота. А ведь токсикоз уже позади. Нельзя терять сознание. Надо разобраться и все выяснить.

– Веничка, проблемы бывают у всех пар, – в горле застревает ком, на глаза наворачиваются слезы. – Мы справимся...

– Не полощи мне мозги. До печенки меня достала, – отмахивается от меня. Садится на стул, безразличным взглядом окидывает ужин на столе.

Муж любит все горячее, только приготовленное. Разогретое он не ест. И я каждый раз стараюсь его удивлять и баловать.

– Но... у нас... же, – дрожащая рука ложится на едва округлившийся живот, – Дети...

– И что? – нагло заявляет.

– Мы семья, – с моих губ срывается жалобный писк. – В огонь и в воду всегда вместе.

– Идиотка, это была фразочка для журналистов, – запрокидывает голову назад и хохочет.

Больно, как же больно. За что такие унижения? Прислоняюсь к холодильнику, ноги ватные, в горле ком.

– Что с тобой произошло, Вениамин? Где тот мужчина, за которого я выходила замуж? – всхлипываю.

– Ты мне нужна была для предвыборной кампании. А сейчас притворяться нет смысла, – скалится, – Все просто, Любана, – в голосе пренебрежение.

Смотрит на меня, как на ничтожество. Он не мог так из-

мениться за несколько часов? Да, мой муж не идеален. Но сейчас его поведение – это за гранью моего понимания.

– А дети? Их ты тоже просто так вычеркнешь из жизни? – смотрю в его бесстыжие глаза.

– Дети... пф, – морщит нос. – Я могу оплодотворить сотню баб, так что мне каждого ребенка признавать? А ты даже забеременеть по-человечески не смогла. А Надька... я вообще молчу, – сплевывает прямо в запеченного лосося, – Ошибка природы.

– Как ты смеешь?! – у меня глаза кровью наливаются. Зубы стучат, холодный пот струится по спине. – Ребенок в больнице! Она недавно перенесла сложнейшую операцию!

– Которую оплатил я! Считаю, выкинул бабки на ветер, – бьет кулаком по столу, так что тарелки подпрыгивают. – Она все равно... ну того... скоро... – разводит руки в стороны, – Пшик...

Все мое терпение лопается. Подлетаю и влеплю ему звонкую пощечину.

– Не смей так говорить о моей дочери!

– Правда, Любаня, она не всегда приятная, – отталкивает меня. Чудом получается устоять на ногах.

– Не боишься, что я эту правду журналистам выложу?

Мне до ломоты в теле, хочется причинить ему боль. Любую. Растоптать, уничтожить! Его слова режут по живому. Душа разрывается на куски. Где взять силы все это выдержать?

– Выкладывай, – скалится. – Моя политическая карьера обломалась. Все старания коту под хвост. А еще и тебя терпеть беременную, с больной девкой – это конкретный перебор. Уволь.

– Скотина! – мотаю головой.

Неужели все это был фарс? Весь наш брак хорошо отрепетированный спектакль?

– Амеба! Научилась у плиты стоять, а как мужика собой заинтересовать – тут фиаско. Ты посмотри на себя? Зачем мне твоя стряпня, если от одного твоего вида хочется посетить туалет?

– Заткнись! – кричу с нарывом.

Мне надо уйти. Бежать. А ноги не слушаются. Живот тянет. Мне нельзя нервничать. Можно навредить малышу. Но истерику не получается унять.

– Завязывай с соплями. Выметайся. Манатки можешь забрать. Это все. Больше ни копыя от меня не получишь, – рукой сметает весь ужин со стола.

Мои старания летят на пол. Тарелки, фужеры, кружки, все разбивается. Смотрю на осколки. Вот он итог моей жизни. Я такая же разбитая чаша. Меня больше не склеить.

– Мне от тебя ничего не надо... но дети... – жалобно всхлипываю.

Ненавижу себя за это. Но в данном случае я должна думать о доченьке и сыночке у меня в животе. Муж нас полностью обеспечивал. У меня ничего нет.

– Как подобрал тебя на помойке, туда тебе и дорога. Может, кто и пожалеет беременную и облезлую, – поднимается со стула и проходит мимо меня.

Достает мобильный из кармана. Набирает номер.

– Ангел мой, как насчет романтика сегодня вечером? – щебечет нежным голосом.

Говорит громко. Мне все слышно.

– Ооо! Отлично! А у меня как раз повод для праздника есть. Наконец-то выкинул мусор из дома...

Сползаю на пол. Сижу посреди осколков и разбросанной еды. Будущее, планы, надежды, он растоптал все. Чувствую себя этим самым мусором. Ко всем «прелестям» муж еще и уничтожил мою самооценку. Хотел меня раздавить? У Вениамина это отлично получилось.

Любовница... А сколько их было за нашу жизнь? Закусываю губу. Он предавал меня. Играл в свои игры. Боль спазмами сдавливает грудь. Не могу двигаться. Слезы жгут как кислота. Дышать нечем. Воздух будто отравлен.

– Чего расселась! Шевелись, кляча! – заглядывает на кухню.

Откуда в человеке столько жестокости?

– За что? – шепчу. Не ему, себе.

Даже если остыл. Хочет развестись. Можно ведь сделать все нормально, как человек, а не скотина.

– За утраченные годы жизни! – поднимает указательный

палец к потолку.

Каждая фраза, как удар ножом. В сердце. До воплей, судорог, кровоподтеков.

– Уйди! Молчи! Не трогай меня! – голос срывается.

– Уходишь ты, дорогуша, – громко смеется.

Меня передергивает. Смех по нервам проходится.

Надо найти силы и подняться. Мне опасно тут находиться. Надо думать о детях. Придерживаюсь за кухонный шкаф. Поднимаюсь с пола.

– Какая же неповоротливая, – он продолжает свою пытку.

Даже бить не надо. Душевная боль она ранит гораздо сильнее. Выжигает нутро.

Перед глазами все расплывается. Держусь за стену и пытаюсь дойти до спальни.

– Беременность тебя изуродовала, – продолжает едко комментировать.

– На свое пузо посмотри, – окидываю его презрительным взглядом.

– С нерадивой женой мужчина увядает, – он как палач идет за мной следом. Спиной ощущаю обжигающую ненависть.

Молчу. Любой мой ответ – это очередное оскорбление. А мне надо бежать из этого дома. Наденька в больнице. Ей нужна живая и здоровая мама.

Достаю чемодан. Кидаю в него вещи. На улице холод. Беру только самое необходимое. Остальное заберу, когда Вениа-

мин будет на работе. Сейчас даже находиться с ним в одном помещении невыносимо.

– Поговорим, когда остынем, – говорю сдавленно.

Даже сейчас пытаюсь найти оправдание его нечеловеческим поступкам. На работе неприятности. Сорвался. Мозг отказывается воспринимать действительность. Ясно одно – нашим отношениям настал конец.

– Ты жаба холодная, куда тебе еще остывать? Мне наоборот огонь нужен, – стоит в дверях, внимательно смотрит, что я кладу в чемодан.

– Огонь ты искал у своих любовниц?

– У богинь! Ты им спасибо должна сказать! Они помогли мне тебя клушу столько лет выдержать!

Это говорит человек, который шептал мне на ухо, как хочет ребенка. Я была так слепа? Или Вениамин настолько хороший актер?

Уже неважно. Есть реальность, в которой надо выживать. Закрываю чемодан и направляюсь к двери. Прохожу мимо него.

– Если что лишнее стырила, – наклоняется и шипит мне в ухо, – Урою.

– Бумеранг есть, Вень. Он тебя настигнет, – иду в прихожую. Обуваюсь. В висках гудит. В теле слабость.

– Раскаркалась тут! Вали! – орет визгливым голосом.

Задела его моя фраза.

Открываю дверь. С трудом вытаскиваю чемодан во двор.

Внизу живота боль. Только бы с малышом все было хорошо. Не так давно я лежала на сохранении.

– Люб! – окликает меня.

– Да? – оборачиваюсь.

– А по срокам еще не поздно избавиться от недоразумения в твоем животе? – спрашивает с гадливой улыбочкой.

– Я вижу тут только одно недоразумение. Тебя... Вениамин.

Выхожу за ворота. Оглядываюсь на дом. Я старалась стать ему хорошей женой. Верила, что у нас все получится. В какой раз жизнь выкидывает меня на обочину?

Но сейчас все иначе, я больше не одна. У меня дети. Ради них надо бороться.

Вызываю такси.

На улице холодно. Слезы текут по щекам, их не остановить. В душе выжженная пустыня. Ударил прицельно, сильнее всех, контрольный в сердце.

Такси приезжает быстро. Еду в больницу. Если получится, там переночую. Мне жизненно необходимо быть с доченькой. А утром уже буду думать, как нам теперь выживать.

Подозреваю, моя карта уже заблокирована. Вениамин всегда был довольно скуп. А в данной ситуации, несложно предугадать его ход. А своих денег у меня практически нет.

Я работаю в благотворительном центре. Но зарплату всю отдавала больным деткам. Им ведь нужнее. А у меня был муж... как я думала... надежный тыл...

Расплачиваюсь с водителем. Ташу за собой чемодан. На улице уже темно, моросит дождь, в глазах пелена жгучих слез.

Уже поздно для посещений. Но это частная клиника. Лучшая. Я по работе с ними часто сотрудничаю, мужа тут уважают, меня передергивает. Лицемерие однозначно его конек.

Плюс от его игры на публику все же есть. Я могу прийти к дочери в любое время.

– Любовь Павловна, а я домой собирался. Едва не разминулись, – ко мне идет главврач. Широко улыбается, проходит по мне цепким взглядом.

– Добрый день, Павел Аристархович, – киваю. – Я к дочери. Побуду ночь с ней.

– Пройдемте ко мне в кабинет. Разговор есть, – рукой указывает направление.

– Что-то случилось? – холодок пробегает по спине.

Он не отвечает. Только глазами стреляет на меня. Они у него очень маленькие, всегда прищуренные, нос картошкой и тонкие губы. Человек отталкивающий, неприятный, скользкий. Но есть у него одно преимущество – врачебный талант. Про таких говорят: «Врач от Бога». А его скверную натуру можно выдержать. Главное – он спас сотни жизней. И для моей Надюшки сделал невозможное.

– Девочку завтра можно выписывать... – делает паузу. Усаживается в кресле и смотрит на меня со странной улыбочкой.

– Но? – занимаю место напротив. Ноги едва держат.

– Наде необходима реабилитация, чтобы восстановить двигательные функции. Динамика положительная, я вам об этом говорил. Но затягивать не стоит.

– Я знаю, – вздыхаю. – Мы это уже проходили... с ножкой...

Доченька, она мне по крови не родная, но ближе ее никого нет. Она столько вытерпела за свои шесть лет.

Когда я была в бегах, меня занесло в небольшой городок, на севере страны. Надюшу я увидела в центре города. Она стояла на коленях с протянутой рукой. Чумазое лицо, рваная тонкая курточка, и огромные серебристые глаза. Они блестели от слез.

Малышка смотрела на меня обреченным взглядом. Вся продрогла. Поет песню и просит прохожих пару рублей на хлеб. Это я потом узнаю, что ничего из этих денег ей не доставалось. И ела она далеко не каждый день.

А тогда в морозный зимний день, я содрогалась от боли вместе с ней. Один миг, один взгляд, понимаю, не отдам, не отпущу.

– Вы для дочери на многое готовы пойти, – фраза звучит двусмысленно, мерзко. Или я себя накручиваю?

– Как и любая мать, – отвечаю сдержанно. Скорее бы выйти из его кабинета.

– А вот вторую половину за лечение так и не внесли, – барабанит пальцами по столу.

– Муж должен был все перечислить... – осекаюсь.

Новый удар. Думала, хуже не будет? Ага, получай.

Пусть бы Вениамин дальше меня морально уничтожал.

Лишь бы дочь не трогал.

А ведь он сказал, что все перечислил!

– Так что же вы раньше не сказали? – сжимаю руки в кулаки, впиваюсь ногтями в ладони. Нельзя плакать. Нельзя показывать ему отчаяние.

– Мы не чужие люди, Любовь Павловна. Я тактично давал вам время, – из последних сил пытается сдержать улыбку.

Физически ощущаю его триумф.

– Павел Аристархович, я бы хотела вас попросить, – делаю глубокий вдох, – О еще одной отсрочке платежа. Обещаю, в скором времени я погашу задолженность.

– Финансовые проблемы, Любовь Павловна? Так я могу вам помочь, – облизывает тонкие губы. Скользит по мне откровенным, липким взглядом. Физически его ощущаю. Он раздевает меня глазами, измазывает в грязи.

Глава 2

Константин

– Костяяя! Я нашла твою дочь! – раздаётся звонкий голос Натали в трубке.

Телефон выпадает из рук. Сон как рукой снимает.

Дрожащей рукой поднимаю аппарат.

– Повтори! Что?! – ору как ненормальный.

– Все четенько, девочка твоя. Я проверила, – самодовольно сообщает. – Ты даже не представляешь, у кого она, – замолкает. Цену себе набивает.

Наташка отличный журналист. Нюх у нее от природы. Но как человек порой невыносима.

– Быстро ко мне, – рука дрожит, голос охрип.

Неужели после стольких лет поисков! Новость саданула меня по башке, припечатала к полу.

– Ну... не... – завывает протяжно. – А где спасибо? А где, Натали, я жду тебя? Где манеры, Константин?

– Тридцать минут. Попробуй только не появиться, – рычу в трубку.

Не до нежностей мне сейчас. Я как бомба, могу взорваться в любой момент.

Неужели правда? Во рту пересыхает, глаза пекут, будто песок в них насыпали. Иду в ванную комнату. Подставляю голову под ледяные струи душа. Надо унять эмоции. Это мо-

жет быть ошибка. Лучшие спецы ищут мою девочку. А ей удалось найти? Верится с трудом.

Моя дочь... Нет, я никогда не отчаивался. С железобетонной уверенностью рыскал по стране. Нанимал людей, проверял информацию. Сколько тестов ДНК сделал за это время – не сосчитать.

Все мимо. Мы нашли нить. Мою дочь продали профессиональным попрошайкам. Вот тогда я был на грани сумасшествия. Представил, через какой ужас проходит моя девочка... все накрыло. До дикого ора. До адского безумия.

А потом нить оборвалась. Снова неизвестность. Она режет меня тупым ножом. Где она? Что с ней? А если малышка... Нет... Об этом я запрещаю себе думать.

Найти дочь – это смысл моей жизни. Нет, она и есть моя жизнь. Я так мало о ней знаю. Не осталось даже ее фотографий. Все гниды уничтожили. Будто и не было моей девочки. Врезаю кулаком по кафелю. Боль отрезвляет.

Те твари назвали ее Дашей. Но я мысленно зову ее Надеждой. Она моя Надежда, моя звезда путеводная.

Звонок домофона немного приводит в чувства. Впускаю Наташку. Она влетает в длинном плаще нараспашку и коротком черном платье. Черные волосы, хищный взгляд, ярко-алые губы, расплываются в соблазнительной улыбке. Каждый жест отточен, выверен. В этом она вся, продуманная, расчетливая, хваткая.

– Заждался? – грациозно снимает плащ и, виляя бедрами,

проплывает мимо меня в комнату.

– Где моя дочь? – мне по барабану ее игры.

– Костя, что за манеры? А угостить даму? – усаживается в кресле, закидывает ногу на ногу.

– Наташка, выкладывай, – нетерпеливо рычу.

– Натали, – поправляет меня.

Стерва использует свой козырь, играет на моих нервах.

– Пофиг. Как ты ее нашла? – хриплю. Я на пределе.

– Случайно, – пожимает плечами. – На одного персонажа собирала информацию. А тут нежданчик, – сверкает чернющими глазами.

– Где моя дочь? – скалюсь.

Наташка меняется в лице. Хмурится. Вздыхает. Не на такой прием рассчитывала.

– Ее удочерил Вениамин Толмачев. Знаешь такого? – голос приобретает деловые нотки.

– Червивый веник? – я аж поперхнулся. Прокашливаюсь.

– Он самый, – кивает.

Тошнота подкатывает к горлу. Моя дочь у этого слизняка! За что моей малышке все это?

Открываю бутылку минералки. Залпом выпиваю. Главное – жива. И ведь все это время была рядом.

– Как она оказалась у этого существа?

– Так он на этой истории репутацию свою подправил. Три года назад только ленивый не писал о его благородстве. Подобрал сиротку, пригрел. Герой для общества. Я знала про

эту канитель. Но тогда параллель не провела. Все же считали ее... – запинается. Заходит на красную зону.

– Три года назад я даже мысли не допускал, что она жива, – заканчиваю за нее.

Никогда себя не прощу. Ни себя, ни ту... о змеюке лучше не вспоминать... даже мысленно.

– Вооот! – поднимается с кресла, достает телефон и сумочки, – Так что и у меня информации не было. Глянь, вот их семейное фото, – протягивает мобилу.

На червивого веника даже не смотрю. Взгляд цепляется за хрупкую девочку. Красивая, маленькая, огромные глаза, улыбается, лицо очень бледное. Сердце разрывает грудную клетку. Больно смотреть, невыносимо оторваться. Запредельные эмоции, непередаваемые. Впервые вижу свою дочь... Она моя. Чуйка срабатывает. Провожу дрожащим пальцем по снимку. А вдруг все же ошибка?

Взгляд падает на женщину рядом. Судорожно хватаю воздух открытым ртом. Не может быть!

– Это... его жена? – спрашиваю сипло.

– Ага.

Узнаю ее мгновенно. Сомнений нет. Это она...

– Есть небольшие трудности, но я все улажу, – отвечаю ровно. Прячу эмоции.

– На фонд свой надеетесь? – злорадная ухмылка искривляет его лицо.

Он знает намного больше, чем я. Разведал какую-то мерзость.

– У меня есть и другие варианты, – вру не краснея.

Нет у меня идей, нет вариантов, кроме фонда. Врачу об этом знать необязательно. Но сейчас главное – закончить этот скользкий разговор. Потом буду думать, как выкрутиться.

– Я говорил с вашим мужем, – заявляет с триумфальным блеском в глазах. Будто выиграл миллион не меньше.

– И что? – меня передергивает.

Одно упоминание о Вениамине, и внутренности скручивает от болезненных спазмов.

– Он поведал о вашей готовности... ммм... решить вопрос со мной, – медленно поглаживает редкую рыжеватую бороду, – Так сказать, тет-а-тет. А я со своей стороны, позабочусь о Наде. Так что, Любовь Павловна, лучше не тянуть резину, а договориться, не отходя от кассы, – поднимается с кресла и идет ко мне.

Меня прошибает холодный пот. Что Вениамин наплел? Растоптал меня, этого мало? Удары судьбы придавливают к земле. Как справиться с нарастающей болью? Грудь печет как от ожогов.

Еще и врач надвигается на меня, облапывает скользким взглядом.

– Павел Аристархович, мой муж просто пошутил, – мямлю заплетающимся языком.

Не хочу его в открытую посылать. Нельзя сейчас этого. Мне нечем заплатить за лечение. Мне нужна эта отсрочка. Но я никогда не приму унижительных условий.

– Ну же голубушка, – урчит мне в затылок. – Пора уже отбросить лишнюю скромность. Я не обижу. Буду нежным, – кладет руки мне на плечи.

Вместе с омерзением накатывает паника. Его руки как скользкие щупальца. Они тащат меня на дно болота.

– Павел Аристархович, прошу, давайте не переходить черту, – сбрасываю его руки. Вскрываю со своего места. – Я в положении! – голос срывается.

– Это отлично! – он как шакал надвигается, я отступаю. – Беременность раскрывает в женщине страсть, – высовывает кончик языка. – Просыпается голод. И я вам помогу его утолить, – хватает меня за руку и притягивает к себе.

Отталкиваю его. Паника придает сил. Он сумасшедший!

– Не прикасайтесь ко мне! Вы врач! Опомнитесь! – намеренно повышаю голос. Пусть нас услышат!

Он замирает. Морщит нос. Проводит рукой по бороде.

– Решила в недотрогу поиграть? Цену себе набиваешь? – переходит на «ты». В голосе пренебрежение.

– Вы составили неверное мнение обо мне. А теперь простите, я пойду, – направляюсь к двери. Но он снова хватает меня за руку. Сжимает до боли.

– Последний шанс, дорогуша. Я человек уважаемый. Проблемы с Надей на раз решу. И для этого, – кивает на мой жи-

вот, – Достойную семью подберу. Даже процент не возьму. Весь навар тебе, – и улыбается во все тридцать два.

Открываю и закрываю рот. Каждая фраза – удар под дых. Делаю вдох, а вдыхаю смрад.

– Я расскажу всем о вашем неэтическом поведении! Это подсудное дело! – кричу, слезы ручьем катятся из глаз.

За своего кроху я готова вцепиться ему ногтями в самовольную физиономию. Предложить мне такое?! У меня волосы на голове шевелятся.

– Кто тебе поверит? – ухмыляется. Я уважаемый врач. А ты с чемоданом приперлась в больницу. Муж выкинул за ненадобностью. Я по доброте душевной хотел помочь... А ты, – фыркает, – Истеричка припадочная.

– Гнилой вы человек, Павел Аристархович, – с этими словами вылетаю из кабинета.

Беру чемодан, который оставила около кабинета.

– Сутки у тебя, Люба – бросает мне в спину. – Потом будет больно.

Не отвечаю. Не оборачиваюсь.

Меня шатает. Перед глазами кровавые круги. Совсем я не разбираюсь в людях. Уже какой раз наступаю на те же грабли. Талантливый врач оказался беспринципным чудовищем.

Вхожу в палату.

– Мамочка пришла! – дочурка не спит. Улыбается, так искренне, радостно.

– Да, цветочек, я с тобой, – за несколько секунд подбегаю

к кровати и осторожно прижимаю к себе Надюшу.

– Ты не переживай, – утыкается носом мне в грудь. Все чувствует родная... У нас с ней особая связь.

Глажу ее по голове. Не могу остановить поток слез. Как себя простить? Как ее защитить? Ведь я перед ней так виновата! Из-за меня моя дочурка тут оказалась.

Константин

– Ты ее знаешь? – Наташка пытливо заглядывает мне в глаза.

– Нет, – отвечаю резко.

Раскрывать тайны прошлого, журналистке и стервятнице я не намерен. Она итак слишком многое знает.

Гипнотизирую фотографию. Не могу отвести от нее взгляд. Люба... пропавшая без вести... Вот уж точно не ожидал, что она еще когда-то замаячит на горизонте. Еще и в роли жены веника.

Не учишься ты на ошибках, Люба.

– Невзрачная бабень, – протягивает, Наташка. – Вениамин ее четко подобрал на роль кроткой супруги.

Мысленно усмехаюсь. Тут ее журналистская хватка дает сбой. Люба – роковая женщина. На раз меняет судьбы людей. Сейчас я в этом очередной раз убеждаюсь.

Держу эмоции в себе. Не даю им просочиться на поверхность. Прошлое как лавина накрывает меня с головой.

– Только не помогло ему это. Профукал свой шанс. Теперь

на его политической карьере можно поставить крест, – продолжает свои размышления.

Меня ее зудеж над ухом начинает раздражать. Но и прогнать не вариант. Надо разузнать подробности. А у меня ком в горле. Выдавить слово из себя не могу.

В каком страшном сне я мог представить, что моя дочь окажется у Любы? Во мне борется чувство благодарности и горечь прошлого.

Хорошо, что она исчезла, попадись она мне тогда в руки... даже боюсь представить финал...

А время пусть не лечит, но помогает все переосмыслить.

– Ты уверена, что она моя дочь? – спрашиваю сипло.

– Обижает, – хмыкает, – Я тест ДНК сделала.

Берет свою сумочку и достает оттуда листы бумаги. Протягивает мне.

Разворачиваю их. Не верю! Неужели поиски остались в прошлом? Столько вопросов. А сформулировать ни один толком не могу. И поблагодарить Наташку надо. Сколько я мог еще круги наматывать? Рыскать по стране? Она реально сотворила чудо. Только почему она меня так бесит? Раньше мог с ней развлечься. На несколько дней катнуть на отдых и оторваться на всю катушку. А сейчас все, как отрезало.

– Они ее с севера привезли. Лечили долго, у девочки был перелом бедра. Родовая травма. Она сильно хромала.

У меня на сердце раны кровоточат. Такая маленькая, хрупкая и столько пережила. А я... чтоб меня... был далеко.

Никогда не прошу себя. Слепой, глухой идиот.

– Ее Даша зовут? – откладываю бумаги в сторону, снова возвращаюсь к фотографии.

– Нет, – хмурится. – С чего ты взял? Надя она.

– Надежда... – падаю в кресло.

Мир сужается до нежного и родного личика. Наденька... Надежда... мысленно повторяю ее имя...

Чувствовал. Знал. Не верил, а сердце подсказывало. Теплота и боль жгут душу. Нервы, как оголенные провода.

И вместе с ними ненависть. К существу, которое обрекло мою дочь на мучения. Бывшая жена... ядовитая гадюка. Она отказалась от нее в роддоме. Обставила для меня все так, будто дочь умерла.

Я тогда едва умом не тронулся. Так ждал ее появления. А потом все эти годы оплакивал свою кровиночку.

И ведь разыграла все мастерски, не подкопаться. Зараза!

Чуть меньше года назад узнал, что дочь жива. Когда вскрылись все мерзкие подробности злодеяний моей бывшей.

Сколько судеб переломала гадюка. Даже ее многочисленные измены, кажутся сущей мелочью.

– Это еще не все новости, Костя, – вырывает меня из раздумий мурлыкающий голос Наташки.

– Что еще? – устало интересуюсь.

– По ходу... это, – выгибает бровь дугой, – В животе у этой Любы тоже твой ребенок...

Глава 3

– Болит? – невесомо прикасаюсь к ее плечу.

– Чуть-чуть, – поднимает голову и смешно морщит носик.

Надюша редко жалуется. Страшно это говорить, но она привыкла терпеть. Когда я ее нашла, малышка очень сильно хромала. И при этом стояла на коленях в мороз. У нее был перелом бедра, который неправильно сросся.

Страшно вспомнить, через какой ад мы прошли, пока восстанавливали ножку. Как ни прискорбно признавать, тогда нам помог Павел Аристархович. Деньги на лечение дал Вениамина. Больше года доченька промучилась, не все шло гладко, были осложнения.

– Мое ты сокровище, – целую ее в носик.

– Мамочка, чем ты расстроена? – смотрит на меня пытливым. Не детским взглядом.

Она повзрослела слишком рано. На глаза снова наворачиваются слезы.

– Уже все хорошо, ты же со мной, – улыбаюсь.

– Как мой братик? – кладет здоровую ручку на мой живот.

– Отлично! Уже хочет увидеть свою сестренку, – сердце щемит от нежности.

Как же я перед ней виновата! Никогда себе не прощу! И Вениамину тоже! Я попала на сохранение в больницу. Надя осталась с мужем и няней. Я сама выбирала ее. Столько

рекомендательных писем, огромный опыт работы. А в итоге женщина не уследила за малышкой. Дочь упала с окна второго этажа. Итог – травматические повреждения плечевого сплетения с отрывом двигательных корешков.

Правая рука не двигалась. Понадобилась операция, которая не гарантировала положительно результата. Но все прошло хорошо. Даже лучше, чем ожидали. Только теперь нужны деньги на реабилитацию. Надо заплатить Павлу Аристарховичу. Где взять средства?

Вениамин, будь он неладен. Ведь и по его вине все случилось. Он обещал быть дома. А сам уехал на сутки.

Скорее всего, к своей любовнице. Но это я сейчас понимаю. А тогда я ему верила. Ведь он выручил меня в безвыходной ситуации. Надюшу помог удочерить и отвоевать у тех страшных людей. Этими поступками муж расположил меня к себе.

– Мы очень ждем малыша! – сжимает мою руку. Серебристые глаза сияют. – Я буду тебе помогать!

подавляю горестный вздох. Вспоминаю мерзкие вещи, которых наслушалась от врача и мужа. Такое говорить про ребенка! В них хоть что-то человеческое есть?

Сегодня моя вера в людей окончательно уничтожена. Больше никогда и никому не поверю.

– А почему ты с чемоданом? – спрашивает малышка, зевая.

– Спи, цветочек. Потом расскажу, – целую ее в щечку.

Когда придумаю, как мягче преподнести жестокую правду.

Укладываю дочь. Сама ложусь на соседней свободной кровати. Хорошо хоть Павел Аристархович не выгнал. После случившегося, не сомневаюсь, он на любую подлость способен.

Заснуть не получается. Мысли не дают покоя. И эта боль... она проникает в каждую клетку. Судорогами сводит тело, сердце кровоточит. Я как выжженная пустыня. Даже слез нет. Одна против целого мира. И я обязана выстоять. Ради своих детей. Дать им самое лучшее. Только как это сделать?

Утром Надюшу выписывают из больницы. Медсестра дает рекомендации. Много ранее говорил и Павел Аристархович. Как ухаживать за малышкой, я знаю.

Но где взять деньги? Как расплатиться с клиникой? Украшений у меня нет. Муж никогда мне ничего не дарил. Осталось только колечко от мамы. Память... Но даже если сдать его в ломбард – это не решит проблему. Одна надежда на фонд.

Еще надо где-то найти квартиру. Отель – слишком дорого. На первое время думаю переночевать у Иванны. Она не откажет. Возможно, мне придется совсем обнаглеть и попросить денег в долг.

Подруг у меня нет. Я все свое время посвящала семье и работе в фонде. Только с Иванной мы сдружились. Она ра-

ботаает со мной. И еще жена лучшего друга Вениамина.

Когда садимся в такси, взгляд цепляется за белоснежную иномарку. Никогда не обращала на подобные вещи внимание. А тут на несколько секунд застываю. Автомобиль выглядит как яркое белое пятно на сером унылом фоне. Вот бы и мне найти свет в конце черного коридора.

По дороге Надюшка смотрит в окно с восторгом. Моя девочка... она умеет находить прекрасное в самых обыденных вещах.

– Мамочка, смотри, эти капельки на стекле похожи на сердце, – показывает пальчиком.

– Да... это дождик тебе шлет привет, – улыбаюсь, глотая слезы.

– Папа нас ждет? Я так соскучилась! – радостно восклицает.

Вздрагиваю. Как объяснить ребенку, что папе мы больше не нужны?

К счастью отложить неприятный разговор помогает таксист. Он подъезжает к фонду. И я облечено вздыхаю и расплачиваюсь.

На улице усиливается дождь. Зачем-то оборачиваюсь. Взгляд снова цепляется за белоснежный автомобиль. Тот же самый, что и около клиники. Странно...

Впрочем, мне какая разница. Передергиваю плечом и скорее бегу к зданию, чтобы не промокла дочь.

Дорогу мне преграждает охранник.

– Любовь Павловна, извините, – тушуетя, прячет взгляд, – Но у меня строгий приказ вас не пропускать.

– Что? – ошарашенно переспрашиваю.

– Я человек подневольный, – пожимает плечами. – Мне сказали, вы тут больше не работаете.

– Даже если не работаю, почему не могу пройти? Забрать вещи... выяснить причины... – шепчу в растерянности.

Должна ведь привыкнуть к ударам. А нет... снова боль. Там же детки, которым нужна помощь. Фонд стал огромной частью моей жизни. И теперь у меня без наркоза вырывают кусок сердца.

Ведь могла предугадать такой исход. Вениамин соучредитель фонда на пару с мужем Иванны.

– Мамочка, все плохо, да? – с тревогой в голосе интересуется дочурка.

– Все отлично, цветочек, – отвечаю бодренько.

На что в ответ получаю укоризненный взгляд. Надюшку не проведешь. Она слишком хорошо все чувствует.

– Маленькие проблемы, но мы с ними справимся, – тут же исправляюсь.

Замечаю фигуру нашего главбуха.

– Захар Андреевич! – кричу и машу рукой. Привлекаю внимание.

Оглядывается, смотрит на меня затравленно. Но все же подходит.

– Любочка, прости, – шепчет мне на ухо. – Но ты лучше

это... уходи. Так будет лучше.

Он напоминает испуганно зайца. Дрожит, постоянно оглядывается.

– Что вообще происходит?

– Ох, меня ночью вызвали. Заставляют деньги переводить на непонятные счета. Угрожают... Нечего тебе тут делать, Любонька, так лучше, – говорит очень тихо.

Физически ощущаю его страх.

– А деткам деньги перечислили? Мне же на днях одобрили. Там операции на носу... – свои проблемы отходят на второй план.

Ничего нет ценней детской жизни.

– Не светись тут... иди, – закрывает глаза, опускает плечи.

Нет... никто ничего не перечислил. Закусываю губу, чтобы не заорать в голос.

Ладно, меня выгнать! А дети при чем? Что Вениамин делает с фондом? Пахнет чем-то гнилым и отвратительным.

Захар Андреевич хороший человек. Но он перепуган до смерти и ничего мне не скажет.

– Иванна тут?

– Нет, ее... – качает головой. – Ты держись, Любочка, береги себя, – бросает на меня затравленный взгляд и понуро идет прочь.

Набираю номер подруги.

«Абонент сейчас не может принять ваш вызов», сообщает механический голос.

Снова вызываю такси. Поеду к ней. Надо выяснить все. И мне сейчас необходима помощь. В свое время я не отходила от Иванны. Не оставила ее в беде. Помогла справиться с изменой мужа. Взяла заботу о ее маленьком сыне на себя. В итоге они все же помирились.

И сейчас я надеюсь на ее помощь. Хочу пожить у нее хотя бы несколько дней. Надюшке нужен комфорт. Не дело мотаться с больным ребенком по городу.

Дочурка уже переживает. Задает вопросы, пытливо на меня смотрит.

– Почему мы не едем домой? Папа нас разве не ждет?

Не ждет, малышка. Он выкинул нас, как нерадивых котят. Но как тебе об этом сказать?

– Папа сейчас очень занят, – выдавливаю из себя.

Отворачиваюсь. Стыдно перед ребенком.

К дому Иванны добираемся быстро. Застываю около ворот. Несколько секунд не решаюсь позвонить.

Подруга выходит ко мне сама. На территорию не приглашает.

– Люба, ты зачем приехала?

– У меня тут... – просить неловко. Взглядом показываю, что надо отойти в сторону, чтобы ребенок не слышал. – Вениамин разводится со мной. Надюшку сегодня выписали, в фонде что-то происходит. Ой, Иванна, так все сразу и не расскажешь. Помощь очень твоя нужна.

– Мой Витенька запретил мне разговаривать с тобой, –

выдает и нагло вздергивает подбородок.

– Как запретил? – задаю дурацкий вопрос. Снова теряюсь.

– Мне проблемы не нужны. Так что давай, сама, Люб.

– Иванна, когда твой муж из семьи ушел. Я тебя не бросила! – напоминаю так называемой «подруге».

– Ой, подумаешь, повздорили, – фыркает. – А сейчас я его злить не намерена. Не удержала Вениамина, так кто тебе виноват?

Каждое слово как пощечина.

– У тебя хоть капля совести есть? – смотрю в ее глаза, а там пустота.

– Ты права, – вздыхает. – Через охрану вам еду передам. У нас там после завтрака осталось.

– Пусть это будет на твоей совести, Иванна, – устало машу рукой. Иду к дочери. – А с фондом что? – оборачиваюсь.

– Я там больше не работаю, – заявляет с ухмылкой.

Мне больше не о чем с ней говорить. Беру Надюшку за руку, в другую руку чемодан, иду прочь.

– Мама... – сжимает мои пальцы.

– Сейчас поедem в кафе и тааак вкусно позавтракаем, – стараюсь, чтобы мой голос звучал бодро. А внутри лишь раны кровоточат.

Пешком минуем квартал Иванны. Достая телефон. Снова надо вызвать такси. А куда ехать? Кафе... А потом что? Отчаяние наваливается тяжелым камнем на плечи.

Из-за поворота появляется тот самый белый автомобиль.

Останавливается около нас. Из него выходит высокий мужчина и впивается в меня стальным взглядом.

– Садитесь, – кивком головы указывает на открытую дверцу машины.

Переводит взгляд на Надюшку. Вздрагивает, как от удара тока.

– Спасибо, что предлагаете нас подвезти, – говорю вежливо, с опаской поглядываю на него, – Но мы самостоятельно доберемся.

Незнакомец походит на хищника, породистого и очень опасного. Глаза напоминают стальную воронку, невозможно взгляд оторвать. Неприлично так разглядывать постороннего человека. Пытаюсь себя одернуть. Ничего не получается, продолжаю на него бессовестно пялиться. А мужчина смотрит на мою дочь. Странно смотрит. В глазах мелькает калейдоскоп непонятных мне эмоций.

– Это не обсуждается. Вы едете со мной, – заявляет невозмутимо.

У него завораживающий голос. Как у профессионального гипнотизера. Я чуть было реально не дернулась в сторону машины. И эта хрипотца проходится по нервным окончаниям. Вызывает непонятную дрожь.

– Простите, вы, скорее всего, обознались, – пробую его обойти.

Дочь держит мою руку, но не двигается с места. С интересом рассматривает незнакомца. Не испугалась. Уже хорошо.

– Нет, Любовь, мне нужна именно ты и Надежда, – взгляд обезоруживает, сбивает с толку, а глаза пугают и будоражат.

У него красивые губы, полные, ярко-красные, чувственные и при этом есть в них некая жесткость, властность. Он явно привык приказывать. Про таких моя мама бы сказала. «породистый». Все в нем на удивление гармонично. Широкие плечи, мышцы угадываются даже под плотным черным костюмом.

О чем это я? Какая мне разница как выглядит этот мужик? И только спустя несколько секунд до меня доходит – он называл меня по имени!

К горлу подступает горький ком страха. Дружок Вениамина? Муж все не угомонится, и решил окончательно меня запугать?

– Откуда вы знаете мое имя? – крепче сжимаю руку дочери.

– Не только имя, – полосует меня сталью своих глаз.

В этот момент четко ощущаю от него волну холода. И все равно не могу разорвать зрительный контакт. Его лицо... оно мне знакомо, но я уверена, что никогда его не видела ранее. Странные чувства, противоречивые.

– Это ошибка. Всего хорошего, мы пойдем, – отвечаю как можно спокойней.

Пора завязывать со странным мужиком.

– Поедете со мной, – констатирует факт. Он ни капли не сомневается, будет именно так.

– Мама, кто этот дядя? – дочь с улыбкой кивает на незнакомца. Она его совсем не боится.

Если бы я знала, что ответить.

– Я твой отец, – невозмутимо заявляет незнакомец.

– Чтооо?! – у меня глаза едва не вылезают из орбит.

Какой номер телефона психиатрической лечебницы? Он точно спятил!

– Глупости. У моей дочери есть отец, – мой голос дрожит. Панический ужас парализует.

Надо спастись! Бежать!

– Ты мой потерянный папа? – радостно восклицает дочь.

Вот сейчас я готова его прибить! Зачем будоражить ребенка?!

– Надюшка, дядя просто принял тебя за другую девочку, – бросаю на него гневный взгляд.

За эти слова я его прибить готова! На больную мозоль наступил. У дочери навязчивая идея, что ее ищет отец. Она мне часто рассказывает свои сны. Там непременно есть «потерянный папа». Надюшка реально ждет. Это тянется еще с того периода, ее попрошайничества на улице. Когда я ее забрала она каждую ночь шептала: «Папа, забери меня!», и боялась спать, дрожала и обливалась слезами. Нам пришлось долго бороться с кошмарами, терзавшими ее маленькую и израненную душу.

– Папа тебя нашел, Надежда, – приседает на корточки и проводит дрожащей рукой по волосам моей дочери.

– Я знала! Так ждала! – шепчет малышка и зачарованно смотрит на него.

Это уже перебор!

– Ребенок после операции! Что вы творите?! – рычу сквозь зубы.

Послать бы его! Так не могу, малышка рядом. Дочурка верит гаду! Слушает его бред! Немыслимо! Надо срочно прекратить! Ненависть поднимается во мне лютой волной! Их нежные взгляды друг на друга бесят!

– Я уже договорился со специалистом из Германии. Он завтра будет в столице, – заявляет, даже не глядя на меня.

Будто я пустое место! Он все решил! А мое мнение побоку!

Еще эти бредовые заявления! Как на них реагировать? Неадекватный псих! Враг! Материнский инстинкт бьет тревогу. Станный мужик меня пугает. Я обязана защитить дочь!

– Вы сами понимаете, что говорите? – едва сдерживаю ярость. – Вы вообще кто такой?

– Константин Огнев, – в голосе презрение.

Это имя мне ни о чем не говорит. Но теперь я знаю, как зовут врага.

– Мама, папа меня нашел! – Надюшка широко улыбается. Столько теплых эмоций на лице ребенка.

И к кому? Вот к этому неадеквату? Он слишком много знает. Следил. Зачем? Какие мотивы?

Надо бежать!

– Нам пора! – легонько тяну руку дочери на себя. Надо разорвать их визуальный контакт.

Меня бесит их странное притяжение друг к другу.

– Ты же больше не пропадешь? – с надеждой в голосе спрашивает дочь.

– Никогда. Я теперь всегда буду рядом, – уверенно заявляет незнакомец. – А ты, – небрежный кивок в мою сторону, – Даже не вздымай дергаться, – голос проходится холодным лезвием по коже.

Жесткий контраст, нежность к моей дочери, а неприкрытая ненависть ко мне. Он как зверь, готов наброситься и разорвать меня.

– У меня теперь два папы! – склоняет головку набок малышка.

Константин морщится, будто от зубной боли. Вены на мощной шее вздуваются.

– Жить ты будешь со мной. Я для тебя такую комнату приготовил, – подмигивает Наде. Мне же достается хищный оскал.

А я продолжаю задыхаться от бессильной ярости. Как спастись? Если закричу, позову на помощь, испугаю ребенка.

– Мама мы ведь поедем? – дочь смотрит на меня, а в глазах столько восторга.

Удивительная вещь, но у малышки и этого мужика очень похожи глаза. У Надюшки они светлее, но в целом сходство

сложно не заметить. Это ни о чем не говорит! Одергиваю себя.

Даже если на минуту предположить, что это правда... Тогда тем более нельзя и на пушечный выстрел подпускать этого человека к девочке.

Какой нормальный отец позволит, чтобы его дочь попрошайничала на улицах?! Я не знаю, кто биологические родители Надюшки. И знать не хочу. Так поступить с собственным ребенком! Прибить их мало!

– У дяди сейчас дела. И у нас они есть, – голос дрожит. Меня колотит. – Пошли, цветочек.

Дочь идет за мной. И с сожалением оглядывается на мужика.

– Конечно, вы едете ко мне, – хриплый голос парализует.

– Нет! – выкрикиваю. Срываюсь. – Отстаньте от нас, – шепчу одними губами.

Он поднимается с корточек. Очень медленно делает шаг в нашу сторону. Зверь выслеживает добычу. Стальные глаза пробираются в душу. Невозможно разорвать зрительный контакт.

– Садитесь в машину, – жесткий приказ.

– Зачем вы бередите душу ребенку? Это не игрушки. Она же вам верит! – пытаюсь воззвать к его здравому рассудку.

А он у него есть? Очень сомневаюсь.

– Я больше скажу, – наклоняется и шепчет мне на ухо, – Тут живет, – указывает на мой едва округлившийся живот, –

Мой сын.

– Вы ненормальный, – не спрашиваю, утверждаю. – Я вас впервые вижу! – по позвоночнику струится холодный пот.

– Теперь я надолго в твоей жизни, привыкай...

Слова проникают под кожу, впиваются острыми иглами. Он реально верит в свои слова. И я с ужасом понимаю – незнакомец так просто не отстанет.

– Этого никогда не будет! – со всей силы отталкиваю его.

Не получается осознать весь этот бред! У меня шок. Пелена ярости застилает глаза.

Гад пользуется моим замешательством. Он очень бережно подхватывает мою дочь на руки и усаживает ее в машину.

Что мне остается делать? Обреченно плетусь следом. И мысленно желаю, чтобы он провалился сквозь землю.

Неадекват забирает у меня чемодан. Кладет его в багажник. Дочь с восторгом рассматривает роскошный салон. А я сажусь рядом, лихорадочно соображаю, как выпутаться из дичайшей ситуации?

Машина срывается с места и уносит нас в неизвестность...

Глава 4

Константин

Еще одна стерва в моей жизни. Возвращение из прошлого. Удар под дых. Почему она? Сложно сказать, кого больше презираю ее или свою бывшую? Тут явного лидера нет.

Маску хорошо носит. Правдоподобно.

Думал, время прошло. Уже не так сильно болит. Смогу контролировать эмоции. Нет. Только увидел, и боль ударила с ново силой, вскрыла старые шрамы.

Должен признать, она изменилась. Красивая зараза. И насквозь лживая. Лично на себе все ее козни испытал.

И она носит моего сына! Мне придется ее терпеть. Глаз с нее не спускать. Жить с ней под одной крышей!

Ради своих детей переживу. Справлюсь.

Сказал, чтобы знала. И даже не надеялась улизнуть. Пусть вначале родит. А дальше...

Еще надо заняться ее разводом. Муженька себе под стать нашла. Другого и не ожидал.

– Ты мне снился, – вырывает меня из раздумий дочь.

Еще не верю. Сердце скачет галопом, кровь вскипает в жилах. Я всю жизнь бредил желанием иметь дочь. Когда узнал о беременности жены, прыгал до потолка, как пацан, от счастья.

Носил на руках предательницу. Боготворил стерву. Я был

одержим. Слеп и глух. Простил ей все. Дочь – это смысл жизни.

Жена превзошла себя в подлости. Посеяла разруху и хаос. Окунула меня в адский котел. Не верю бабам. Все они меркантильные, корыстолюбивые и продажные заразы.

Известие, что ребенок не выжил, уничтожило во мне человека. Разорвало душу в клочья. Я погрузился в черный мрак. Вокруг одна гниль.

Для своих детей я сделаю все. Главное – нашел. Я снова дышу, пусть судорожно, хрипло. Дети вновь заставили биться мое сердце.

– Надюша, не стоит об этом говорить. Дяде это неинтересно, – в голубых глазах сверкают молнии.

Ненавидит меня. Боится. Отлично. Пусть так и будет.

Она получит защиту. Лучших врачей. Никто к ней не прикоснется. Пока она носит моего ребенка.

– Очень интересно, – улыбаюсь дочери.

Игнорирую гневный взгляд стервы. Она в моей власти. Пусть привыкает.

Даже анализ ДНК не нужен. Я чувствую свою связь с девочкой. И внешность... она моя копия. Взять мои детские фотки, так нас практически не отличить.

К счастью, от матери ей ничего не досталось.

– Я когда деньги просила, хитрила, – по лицу малышки пробегает тень. – Просила, чтобы мне прислали папу, вместо подаяний. Я знала, что у меня сильный и смелый папа,

и он непременно заберет меня от тех плохих дядей, и той страшной тети. А когда засыпала, я видела, тебя, – вздыхает, тяжело, слишком по-взрослому. – Только у тебя вместо лица было белое пятно. Ты звал меня, а я кричала в ответ, но ты не слышал... – по щеке катится одинокая слезинка. – А иногда я видела тебя в огромном поле, ты все бегал и бегал там, искал меня, а я стояла совсем рядом... но почему-то не могла пошевелиться, не могла крикнуть. Но я знала, что когда-то ты меня найдешь... – всхлипывает и смотрит на меня так открыто, искренне...

Сердце разрывается. Душу щемит. Сколько маленькой и хрупкой девочке пришлось пережить! Ненавижу себя! Почему раньше не нашел?! Не оградил! Нет мне прощения!

Попадись они мне сейчас, эти ничтожные, беспринципные существа, голыми руками бы разорвал. Перед глазами мелькают кадры расправы. Только это ничего не меняет. Не вернет Надежде утраченные годы жизни. Не сотрет ее страдания.

– Все в прошлом, моя маленькая, – бережно прижимаю дочь к себе. – Папа всегда будет с тобой рядом, – голос срыгается.

Дочь пробуждает давно забытые эмоции.

Малышка слегка обнимает меня здоровой ручкой. Прижимается к груди. Какое это одурительное чувство, просто обнимать своего ребенка!

Она меня не оттолкнула! А ведь я заслужил. Удивитель-

ная девочка. После всего пережитого она источает такую чистоту и доброту. Моя дочь. Она рядом со мной. Шумно вдыхаю ее аромат.

– Я знаю, – столько уверенности в голосе дочери.

Больше никаких кошмаров. Я уничтожу их все. У нее будет самое счастливое детство.

Стерва показывает мне кулак. Раскраснелась. Хмурится. Пшеничные волосы разметались, губы припухли. Ровный, аккуратный нос чуть вздернут вверх, большие миндалевидные глаза с длиннющими ресницами сверкают от ярости. Шарм в ней определенно есть. Но это все притворство. Отрепетированная годами маска.

– Нам потом надо будет серьезно поговорить! – в ее голосе угроза.

Серьезно? Угрожает мне? Даже забавно.

Во мне просыпается азарт. Вот гнев ее реальный, оттого и очень вкусный.

– Непременно, – скалюсь в предвкушении.

Люба фыркает.

Переборщить тоже нельзя. Она беременна. Надо держать себя в руках.

Хотя свое отцовство тоже не помешает проверить. Наташкины бредни звучали убедительно. Но я больше никому не верю.

А судьба в очередной раз меня испытывает. Почему именно эта женщина? Мало она разрухи принесла?

Она оживила призраков прошлого. Вулкан ненависти во мне проснулся, и бурлит, норовит вырваться наружу.

Нельзя. Не время. Пусть родит...

У меня есть дочь. Скоро будет сын. Об этом надо думать, чтобы не сорваться.

И все же есть у меня к ней чувство благодарности. Люба вырвала мою дочь из ада. Поставила на ноги. Заботилась. Она хорошо относится к Надежде. Но и тут уверен, не обошлось без меркантильных мотивов.

Эта история отлично протолкнула карьеру червивого венника. Во всем у нее расчет.

А за свой поступок Люка получит мое снисхождение.

Конечно, на ее месте тогда в прошлом могла оказаться любая. Но оказалась именно эта стерва. И расплачиваться ей. Ее поступок невозможно забыть. Уж тем более, никогда не простить.

Надо запастись терпением. Не позволить своим демонам возмездия раньше времени сорваться с цепи.

Судьба повторяется, снова мне жить бок о бок со лживой стервой.

Нет. Сейчас все иначе, я нашел свою дочь.

– Как ты себя чувствуешь? – интересуюсь у Надежды.

Немыслимо! Вениамин за три года не добился расположения Надюши! А этот... сумасшедший уже с ней обнимается! С мужем дочь вежливо общалась, но никогда его не обнима-

ла. Между ними всегда была отчужденность.

Вениамин не обижал малышку, но и не уделял ей особого внимания. Но он оплачивал лечение... как выяснилось, не до конца. И мне надо как можно скорее найти деньги. Долг в клинике сам себя не оплатит.

И уж точно я не обращаюсь за помощь к этому! Он опасен. Втирается в доверие к моей дочери, дает непонятные обещания! Приписал себе отцовство моего сына! Чем больше думаю, тем сильнее закипаю. Бред!

А что дальше от него ожидать? Какие истинные мотивы?! Смотрю, как они обнимаются и на душе кошки скребут. Хочется прижать к себе свою девочку. И запретить наглецу даже смотреть в ее сторону. Только нельзя пугать Надюшку. Потому молча наблюдаю за их «идиллией».

– Приехали, – изрекает мужик, – Вот твой новый дом, – помогает малышке выйти из машины.

– Ого! Замок! – в детском голосе неподдельный восторг. – Как у принцессы!

Дом и правда походит на замок из доброй сказки. Большой, светлый, огромный. У нас с Вениамином был гораздо скромнее. Но там был уют! Я его своими руками создавала. А тут все чужое, враждебное.

Нас встречает целый штат прислуги. Теряюсь. Для чего этот цирк? Надюша вертит головой, на лице улыбка. Как бы потом ее ни постигло разочарование. Надо с ним поговорить с глазу на глаз. Выяснить все. И уехать, пока это не зашло

слишком далеко.

Константин представляет мне врача и двух медсестер. Показывает оборудованную для дочери комнату. Он что скупил магазин игрушек? Такого изобилия я даже не видела на прилавках магазинов.

– Это все мне? – пищит от восторга дочь.

– Тебе, – улыбается ей в ответ. – Правда, не успели сделать ремонт. Но это даже к лучшему, сама сможешь выбрать интерьер и цвет, – они болтают, словно знакомы сто лет.

Он реально подготовился. Только зачем? Пусть подсознательно я и понимаю, вред ребенку он не причинит. Но... это все равно случится! Дочь привыкнет, поверит в его бредни. А дальше снова разочарование.

Поговорить сразу не получается. Нас зовут на обед. Стол уставлен невероятными блюдами. Я даже названий таких не знаю. От запахов кружится голова.

– Тебе надо хорошо питаться. Потом необходимо провериться у специалиста, – заявляет менторским тоном, накладывая мне в тарелку разнообразные деликатесы.

– Сама разберусь, – злобно фыркаю.

Но все же приходится признать, питаться нормально мне действительно надо. И голодом я накажу своего сына. Потому принимаюсь за еду. Не замечаю, как уничтожаю все, что было на тарелке. Нереально вкусно! Или я просто долго не ела?

Надюшка с незнакомцем весело переговариваются. Шу-

тят. Я же храню молчание. Выжидаю, когда смогу высказать самодовольному индюку все.

– Цветочек, пойдешь с тетей Нелей к себе в комнату, нам с мамой надо поговорить, – ласково обращается к дочери.

Малышка утвердительно кивает.

Я сжимаю палицы в кулаки. Готовлюсь к атаке.

– Пройдем, – указывает рукой в сторону.

Следую за ним. Даже не смотрю по сторонам. Нет мне дела до чужой роскоши. Приводит меня в свой кабинет. Пропускает внутрь. Закрывает дверь.

– Завтра приедет врач из Германии, займемся ее реабилитацией, – заявляет и проходит к столу.

– Зачем этот спектакль? Какие интересы вы преследуете? Хотите насолить моему мужу? Или хотите платы натурой... как тот врач... – не собиралась я так начинать разговор.

Слова сами срываются с губ. Жуткие воспоминания еще очень свежи. Раны от них кровоточат.

– Какой врач? Какой платы? – хриплый голос обвивается вокруг моего горла. Константин нависает надо мной. Глаза темнеют. Надвигается ураган.

– Неважно! – отворачиваюсь.

Еще не хватало изливать перед ним душу.

– Люба, – осторожно берет меня за подбородок и поворачивает к себе. – Что произошло в больнице? – спрашивает спокойно, но серые глаза застилают грозовые тучи.

Он держит цепко, и при этом нежно. Только не вырваться.

Пальцы горячие, обжигающие. Они оставляют отметины. А вот в глазах холод. Дикий, будоражащий контраст.

– Врач предлагал мне помощь в обмен на постель, – его глаза чернеют, там клубится непроглядный мрак. А я как за-гипнотизированная продолжаю выкладывать все. – А еще он предложил найти покупателей для моего ребенка... – меня трясет от холода и омерзения, щеки жжет от слез.

– Он узнал, что муж с тобой разводится, выставил счет за лечение, и решил воспользоваться твоим положением, я правильно понимаю? – ледяной метал в голосе, палец второй руки втирает мои слезы со щеки.

– Вообще-то, муж сам ему рассказал... Дал зеленый свет, на все эти мерзости, – губы немеют. Щеки горят, уже не от слез, от прикосновений этого невыносимо мужчины.

Его глаза суживаются, даже кожа на лице темнеет, желваки ходуном ходят, ноздри раздуваются.

– Больше этого не повторится, обещаю, – вздрагиваю от ноток боли в его голосе смешанной с нежностью. Морок. Навяждение. Дурман. Мотаю головой. Я не позволю запудрить себе мозги.

– Довольно этих обещаний! – толкаю его в грудь. Надо разорвать телесный контакт. У него реально гипнотическое воздействие на меня. – Вы ведь тоже меня привезли к себе в дом, преследуя свои цели! Так что вам нужно, Константин? Пытаетесь втереться в доверие, строите из себя героя, чтобы потом... – всхлипываю, – Использовать меня...

– Я хочу быть рядом со своими детьми, – никогда мне не привыкнуть к этому взгляду. Огненная сталь, которая пробирается в душу, сканирует. И этот голос, там ни намек лжи. Он звучит слишком искренне.

Но все это обман! Ложь!

– Это не ваши дети! Довольно нести чушь! – выкрикиваю, задыхаясь от бессилия и странных эмоций.

– Люба, успокойся, пожалуйста, – делает шаг ко мне. Отступаю.

– Вы еще хуже! Даже врач, он говорил прямо о своих намерениях. А вы как паук, опутываете паутиной. Втираетесь в доверие к моей дочери. Довольно! Мы на этом заканчиваем. Я с Надей немедленно покидаю ваш дом! – направляюсь к двери. – Спасибо за обед.

Ловит меня за талию. С легкостью поднимает и усаживает в кресло. Упирается руками в подлокотники, нависает надо мной.

– Куда ты пойдешь, Люба? С больной дочерью и дыркой в кармане вместо денег? Хочешь гордо шагнуть в никуда? Так этого я тебе не позволю. Ты не одна. Так что будь добра подумай о детях, – говорит тихо и очень хлестко.

– Мне не впервой выпутываться из затруднительных ситуаций. Я справлюсь. Как вы сказали, у меня дети. И ради них я сделаю невозможное. Но это не значит, что я буду принимать сомнительную благотворительность от постороннего, и уже будем честны, не совсем адекватного мужчины! – заяв-

ляю, глядя ему в глаза. Злость бурлит в крови. Его близость будоражит. Он опасен!

– Выпугиваться? – скалится. – Простый раз ты вышла замуж за червивого веника. Это так ты нашла выход? И где самостоятельность, Люба? – выгибает идеально очерченную бровь.

Влепляю ему пощечину. Ни один мускул на лице у гада не дергается. Замер как статуя.

– Биологический отец Нади – это подлое, прогнившее насквозь существо. Он заслуживает только презрения. Так что если выдаете себя за него, то вы знаете, кем для меня являетесь.

Воздух накаляется. Ощущаю бешеное напряжение. Мне даже мерещится запах гари. Глаза Константина превращаются в непроглядную бездну.

– Когда ты злишься, у тебя глаза, как море во время шторма. Манят поплавать на волне острых ощущений, – выдает хриплым голосом.

Обезоруживает. Подобного я точно не ожидала услышать.

– Что? – судорожно хватаю ртом раскаленный воздух.

– Поехали, – берет меня за руку. Помогает подняться.

– Куда? – я в ступоре. Даже не сопротивляюсь.

– Навестим врача. Оплатим его услуги, – нечто зловещее мелькает в его голосе.

Глава 5

– А Надюша? – едва поспеваю за его размашистым шагом.

– За ней присмотрят, – сжимает мою руку сильнее.

Жесткое и огненное прикосновение, а в тело вонзаются ледяные иглы страха.

Он дает короткие указания прислуге. Потом мы заходим попрощаться с дочерью. Мужчина меняется на глазах. Вновь вижу нежность, его гнев отступает.

Меня отгесняет, не дает толком попрощаться. Заполнил собой все пространство.

– Если что-то захочешь, говори Неле, – целует ее в щеку. – Мы с твоей мамой ненадолго уедем.

– Я буду вас ждать! – малышка машет нам здоровой ручкой. Такая открытая, доверчивая. Даже слишком.

Как она могла проникнуться симпатией к этому несносному мужчине?!

– Пошли! – отдает холодный приказ.

Константин как хамелеон меняется мгновенно. Непредсказуемый. Бесит меня до ужаса.

Усаживает меня в машину. Собственноручно застегивает ремень безопасности. На миг замирает. Прищурился. Пристально смотрит мне в глаза. В душу пробирается. Не могу разорвать контакт. Смотрю на него как зверек, загнанный в клетку хищником.

В машине нечем дышать. От него исходит бешеная аура. Константин подавляет. Он зол, даже на руках вздулись вены.

У него очень сильные руки. Ловкие пальцы сжимают руль. Взгляд устремлен на дорогу. На лице не движется ни один мускул. И только не шее пульсирует венка.

Отворачиваюсь к окну. Нечего на него глазеть.

В клинике медсестры смотрят на него с трепетом. Еще немного и слюни начнут пускать.

Я плетусь следом. Что безумец надумал?

– Терентьев у себя? – спрашивает у медсестры.

– Да. Но он занят... Может, я могу вам чем-то помочь, – призывно улыбается, расстегивает две пуговички на халате.

Константин, даже не взглянув на нее, продолжает свой путь.

Без стука входит в кабинет врача. Павел Аристархович в кабинете не один. Около стола стоит молодая женщина с опухшими от слез глазами.

Мерзавец! Он продолжает! Сколько вот таких бедных женщин пострадало от его «заманчивых» предложений?

– Вы что себе позволяете! – врач оборачивается.

Тут же меняется в лице. Расплывается в фальшивой улыбочке. А в глазах страх. Меня не замечает.

– Константин Владимирович, какими судьбами! – вскидывает руки. – Мы потом поговорим, – обращается к женщине. – Идите.

Она испуганно пронесится мимо меня.

– На колени, – от спокойного голоса Константина застывает кровь в жилах.

– Что? Я не совсем вас понимаю? – блеет врач.

– Встал на колени, попросил прощения, – делает шаг в его сторону. Павел Аристархович трясется, на лбу выступила испарина.

В комнате пахнет его страхом.

– Константин Владимирович, что-то произошло... – не успевает договорить. Замечает меня. Глаза округляются. Губы мгновенно синеют. – Любовь Павловна все не так поняла...

Одно неуловимое движение Константина ногой. И врач оказывается на полу.

– Ты оглох? – наклоняется, берет его за шею, и как нашкодившего котенка протаскивает по кабинету. Прямо к моим ногам. – Или я неясно выразился?

– Простите меня, Любовь Павловна! – пищит врач. – Константин Владимирович, я не знал, что это ваша... ммм... подопечная... Мы все уладим... ничего не надо оплачивать. Это подарок...

И на меня с мольбой смотрит.

– Как давно этим промышляешь? – дает ему подзатыльник.

– Я нет... вы не так поняли, – мямлит.

Сейчас Константин мало походит на человека, скорее взбесившийся хищник.

– Я сейчас тебя подлечу, Терентьев. Так что все мерзкие

желания мигом отпадут, – от холодного спокойствия Константина, кожа покрывается инеем.

– Пожалуйста! Не надо! Простите! Я больше никогда! Бес попутал! – врач складывает руки в молитве.

Отчетливо слышу, как его зубы отбивают чечетку.

– А ты пожалел этих женщин? – Константин берет его за руку. Дергает на себя. У врача не получается устоять на ногах.

Хищник наступает ему на руку. Не сильно. Но Павел Аристархович кричит так, что уши закладывает.

– У меня дети! Мне надо их кормить! – всхлипывает. – Любовь Павловна, мне сказали, что она это... с радостью... я сам бы никогда...

От его слов глаза Константин звереет еще сильнее. Внешне он не меняется, но аура давит. Еще немного и он прибьет доктора. Физически ощущаю угрозу.

– Не надо. Все нормально. Константин, прекратите, – у меня язык заплетается.

Хищник не реагирует на мои слова. Он поглощен своей жертвой. В потемневших глазах четко читается приговор – казнить.

– Теперь ты работаешь бесплатно. Лечишь всех, на кого я укажу. Ты под моим контролем, Терентьев, – не говорит, а словно клеймит его. – Одна осечка и... ты попрощаешься с профессией.

– На что я буду жить? – шмыгает носом.

– Ты достаточно наворовал. Деньги, которые должна Люба, поступят на счет твоих сыновей. Прикоснешься к баблу, будем говорить иначе.

– Не прикоснусь! Я все понял, Константин Владимирович. Я вас не разочарую! Любовь Павловна, еще раз простите мое неподобающее поведение, – говорит скороговоркой. Хватает воздух посиневшими губами.

– Работай, Терентьев, – бросает с отвращением.

Покидает кабинет. Кивком указывает мне следовать за ним.

Чуть дальше по коридору стоит женщина, которую мы видели в кабинете врача.

– Лечение вашего ребенка будет бесплатным, – невозмутимо сообщает ей. И идет дальше.

– Павел Аристархович нехороший человек. Но зачем так с ним? Можно, ведь было спокойно все обсудить, – говорю, когда мы покидаем клинику.

– Больше к тебе никто не прикоснется. Ты моя, – его слова, как стальные колья вонзаются в тело.

Говорит обо мне, как о вещи. Меня передергивает. ореол таинственности мужчины лишь усиливает страх.

– Я не ваша. И никогда ей не буду, – отвечаю резко.

– Поехали, – снова холодный приказ.

Он вообще умеет общаться нормально?

Хочется взбрыкнуть. Сделать все наперекор. Но сейчас такое поведение неуместно.

Автомобиль срывается с места.

– Я верну вам деньги за лечение, – нарушаю гнетущую тишину.

В ответ только ледяная ухмылка. У него очень сочные губы, полные, но они не смягчают лица. Передо мной хищник. В кабинете врача я в этом убедилась.

Хоть Павел Аркадьевич заслужил все, глупо отрицать. Когда эмоции утихли, ситуация выглядит иначе.

Константин мог покалечить врача, но не сделал этого. И в данном случае – это идеальное наказание, для такого человека.

Только страх все равно не уходит. Неизвестность та еще пытка.

Константин останавливается в центре города. Около одного из самых дорогих ресторанов. Выходит из машины, открывает дверцу с моей стороны. Подает мне руку. Игнорирую ее.

Не из вредности. Меня пугают его прикосновения. Будто он может сжечь меня дотла.

В ресторане нас встречают как именитых гостей. Константину в рот заглядывают, смотрят с благоговением. Перед Вениамином никогда так не расшаркивались. Правда, и в рестораны муж меня практически не водил. Это дорого, и нам надо было копить на будущее...

Закрываю глаза. Делаю глубокий вдох. У него будущее, а я у разбитого корыта, в компании неуравновешенного му-

жика.

Нас проводят в вип-зал. Маленькое и уютное помещение. Золотые узоры на стенах, декоративные растения. Официантка пожирает глазами Константина. Дай ей волю, прямо тут накинется... Мерзость.

Заказываю зеленый чай. Мужчина же выбирает немислимое количество блюд.

– Тут отличная кухня, – откидывается на спинку дивана и буравит меня стальным взглядом.

Хочется спрятаться под стол. Ощущаю себя голой. Не физически. Он дальше пошел, душу обнажает.

– Я не голодна, – тереблю в руках скатерть. Волнение нарастает.

Еще эта атмосфера, свечи, цветы, романтика. Жуткий контраст.

– Люба, объясню расклад раз, – немного поддается вперед, – Далее рассчитываю на твое адекватное поведение и принятие ситуации, – говорит деловым тоном, будто собирается заключить сделку.

– Это невозможно принять, – начинаю закипать. Одергиваю себя. – Я готова выслушать ваши мотивы, – добавляю более сдержанно.

– Расклад следующий, я являюсь биологическим отцом Надежды, – заявляет невозмутимо. – Сразу отвечу на твой вопрос, я бы никогда не отказался от дочери и не допустил подобного, – теребит пальцами по столу. – Я был уверен, что

девочка погибла при рождении. Моя... ммм... в общем, – запинается. Константин что-то умалчивает. Одергивает себя, чтобы не сболтнуть лишнего. – Ушли годы, прежде чем я узнал правду. Если тебе интересно, дома могу предоставить результаты теста ДНК. По твоему желанию можем его сделать повторно, – внешне он спокоен, но воздух все сильнее накаляется.

Я не хочу в это верить! Это слишком жестоко! Пусть только попробует забрать у меня доченьку! Эти откровения бьют меня наотмашь. Выбивают почву из-под ног. Как ему противостоять?

Чувствую – это правда. Кошунственная, убийственная правда. И я в его власти...

– Это ничего не меняет! Я не отдам вам дочь! – голос срыгается.

– Ты делала ЭКО, – заявляет неожиданно.

– Не ваше дело! – огрызаюсь.

Входит официанта. Расставляет блюда. Разговор прерывается. Пытаюсь проанализировать услышанное.

Приехали! Теперь он копается в щекотливых подробностях моей личной жизни. Да, у нас с Вениамином не получилось зачать ребенка естественным путем. У меня никаких проблем врачи не находили. Вениамин тоже говорил, что здоров. Потому мы прибегли к ЭКО. И все получилось с первого раза. Тогда я еще искренне верила, что муж хочет ребенка, так же сильно, как и я. Мечтала о нашем сближении.

Верила в наше счастье...

– Во время процедуры был использован мой биологический материал, – заявляет, глядя мне в глаза, когда официантка покидает помещение.

– Это невозможно! – аж подсакиваю на месте. Не хочу его слушать! Это полнейшая ересь!

– Сядь, – одно слово и я безвольно опускаюсь на диван.

– Для меня это тоже было, мягко говоря, неожиданностью, – отвлекается на телефон. Набирает что-то. – И я непременно выясню все подробности, – снова стальной взгляд впивается в меня, вонзается под кожу, – Но как ты понимаешь, теперь мы связаны, – тень пробегает по лицу Константина.

Он раздражен. Сейчас еще острее ощущаю его неприязнь ко мне.

– Мы не связаны. Я вам не верю, – мой голос звучит на удивление ровно. – Это мой ребенок.

– И мой. Потому, Люба, ты будешь жить в моем доме. Я гарантирую безопасность, полное обеспечение, – он просто ставит меня перед фактом, он все решил. Мое мнение не имеет для Константина значения.

– Не буду! – мотаю головой. Холодный пот струится по спине.

– До родов будет так. Дальше... посмотрим... решим... – хриплый голос со свистом обвивается вокруг моего горла.

– Нет... – и все больше у меня нет слов. Болезненный ком

застревает в горле.

– Я обозначил позицию. Иного варианта нет, – поднимается из-за стола. – Я тебя покину. Домой тебя отвезут мои люди, – снова это ледяное спокойствие в голосе. Он играет на моих нервах. Доводит до предела.

– Я никогда не приму подобных условий! – выпаливаю ему в спину.

Резко оборачивается. Подходит. Наклоняется.

– Ты моя. Дети мои. Это не обсуждается, – опалает огненным дыханием ухо.

– Только попробуйте прикоснуться! – отодвигаюсь от него как можно дальше.

– Об этом можешь не волноваться. Интим исключен, – резко выпрямляется. Ведет плечом, морщит нос. Будто ему противна сама мысль о подобном.

Грудь сдавливает болезненными спазмами. Его реакция меня задевает. Но ведь по всем законам логики, я хотя бы на этом пункте должна выдохнуть с облегчением!

– Я не останусь с вами под одной крышей!

– Поешь. Тебе надо хорошо питаться, – с этими словами не оборачиваясь, уходит.

Смотрю ему вслед и не верю. Этот кошмар не может происходить наяву! Я пленница безумца!

Из ступора меня вырывает звонок мобильного телефона. На экране высвечивается надпись: «Вениамин». С сомнением смотрю на аппарат. Принимать или не принимать вызов?

Глава 6

Константин

Вылетаю из ресторана, запрыгиваю в машину и жму на газ. Не могу находиться с ней рядом. Я привыкну. Должен. Обязан.

Идиот. Как мог подумать, что боль притупилась? Каждая минута рядом с этой женщиной оживляет прошлое.

Мне необходимы положительные эмоции. Надо успокоить нервы. Унять бурлящую кровь.

Сворачиваю к детскому торговому центру. Вот где заряд позитива. Брожу по магазинам. Выбираю игрушки. Придирчиво их рассматриваю. Это своеобразный ритуал для меня.

Когда искал Надежду, я раз в три дня посещал детские магазины, выбирал для нее игрушки, одежду, и представлял, как моя дочь будет радоваться подаркам. Сейчас этими подарками забита вся ее комната. Еще столько же игрушек находятся в соседней комнате. Этот странный ритуал давал мне силы не сойти с ума. Надежду... искать Надежду.

Сам воздух в этих магазинах другой. Заставляет забыть проблемы, почувствовать себя ребенком. Надо будет непременно приехать сюда с дочерью. Потом.

Сейчас цель моего визита иная. Провожу в торговом центре часа два. Сотрудники магазина несут мои покупки к машине. Их столько, что они не влезают в багажник. На этот

раз облегчения не наступает. Меня все равно колотит.

Она спасла мою дочь. Она носит моего сына. В тысяче первый раз напоминаю себе.

А еще в ее глазах плещутся морские волны, скрывая грязные тайны.

Подъезжаю к особняку. Ворота раздвигаются, впуская меня внутрь. Выпрыгиваю из машины.

– Костик, привет! – слышу веселый звонкий голос.

– Здрав, Ленок, – подмигиваю.

Она идет ко мне с младенцем на руках. Черные волосы забраны в хвост, зеленые глаза сияют. Малыш весело машет ручками.

– Хорошо, что ты приехал, – улыбается.

Искренняя, чистая, непорочная. Единственная женщина на моей памяти, в которой нет ни грамма фальши.

– Как Костян-младший? – забираю у нее из рук ребенка.

Зарываюсь носом в детскую макушку.

– Растет, аппетит хороший, практически не капризничает.

– Мужик, – глажу пацана по пухлой щечке.

Со двора доносятся звонкие голоса. К нам со всех ног бегут Дюшка с Анюткой.

– Дядя Костя приехал! – кричат наперебой.

– Я вам столько всего привез! – обнимаю малышку по очереди. Отдаю ребенка Лене и открываю багажник.

– Ты их совсем разбалуеть! – шутливо ворчит девушка.

– А иначе никак, Ленок.

Смотрю на возню. На прислугу, которая помогает забрать пакеты из багажника, на детей, которые бегают вокруг в предвкушении. И на душе становится легче. В этом доме пахнет счастьем.

Мне такое не светит. Не заслужил.

– Стас говорил, ты нашел доченьку, – робко интересуется. Прячет взгляд. Знает, что ступает на опасную территорию.

– Нашел, – отвечаю односложно. Не готов я к откровениям. – Где Стас?

– Дома. В кабинете, – хмурится. – Мы ведь скоро ее увидим?

– Угу, – неопределенно пожимаю плечами.

Даже все пережитые горести не изменили девушку. Она осталась такой же наивной и смотрит на мир через розовые очки. Но ей можно, у Ленки есть Стас.

А ведь я первый с ней познакомился. Даже клинья подбивал. Но потом сбавил обороты. Отступил. Я тогда был безнадежно женат. Погряз в своих пороках. И не захотел ее портить. Подсознательно учуял, оградил ее от своего болота.

Теперь понимаю – поступил правильно. Они со Стасом идеальная пара. У них трое замечательных малышей. А младший Костик назван в мою честь, и я не так давно его крестил.

Вхожу в дом. Направляюсь в кабинет друга. Он сидит за столом, уткнулся в ноутбук.

– Ну и видок у тебя, – Стас морщит лоб.

– Ага, – устало падаю в кресло.

– Ты дочь нашел. Где сияющий отец? Где приглашение в гости? Мы с Леночкой, – не сдерживает довольную улыбу. Одно упоминание о жене и он плывет, растекается лужицей, – Думали завтра к тебе ехать.

– С визитами придется повременить, – тру виски указательными пальцами.

– Выкладывай, – друг мрачнеет. Выходит из-за стола. Придвигает стул к моему креслу, усаживается напротив. – Костян, я тебя таким чернющим видел два раза в жизни... – смотрит на меня пытливо.

– Знаешь, кто удочерил Надежду?

– Судя по твоему виду, исчадие ада какое-то, – пытается мрачно пошутить.

– Ближко, – сжимаю руками подлокотники кресла, – Любка Миронова.

– Чего? Ктооо?! – Стас отшатывается на стуле так, что чуть на пол не грохается.

– Только она теперь Толмачева, супруга червивого веника, – наблюдаю, как меняется в лице друг, как округляются его глаза, открывается и закрывается рот.

– Да, чтоб его... – дальше следует поток нецензурных словечек. – Я был уверен, что ее уже нет на этом свете.

– Есть, Стас, и она носит моего сына, – вкратце рассказываю все, что сам знаю.

– Ничего себе, – присвистывает. – Нереально! Быть не мо-

жет! Только не она!

– Но есть она. И с эти надо жить, – констатирую факт.

– А она знает кто ты? – Стас поднимается и нервно ходит по кабинету.

– Нет. Даже не догадывается.

– Правильно. Пусть так и будет. А то там и до выкидыша недалеко.

– Согласен, – киваю. – А вот тебя она может узнать. Поэтому визит ко мне домой откладывается.

– Может, – хмурится. Мотает головой. – Костян! Она же ходячая катастрофа! Как с ней жить под одной крышей?!

На этот вопрос у меня нет ответа. Сам не знаю.

– Я думал, выдержу. Ради детей переступлю. Не прощу, но хоть смогу нормально общаться. Когда узнал, думал, время помогло смириться, посмотреть на все иначе. Она ведь спасла мою дочь! А нет, все возвращается. С каждой минутой все острее понимаю, кто она...

– Не верю я, что она за эти годы изменилась, – Стас смотрит на меня с сочувствием. – Такие не меняются.

Что ему нужно? Уже ведь все сказал. Зачем этот звонок? Откладываю телефон на стол. Не буду поднимать.

Выпиваю одним глотком чай. Во рту пересохло. Наливаю стакан воды. Руки трясутся.

Какие у меня есть варианты? Надо смотреть правде в глаза, я могу сто раз кричать: «Нет!». Только мне некуда идти.

Долг все равно висит, только теперь Константину. Надюшке нужна реабилитация. А у меня в кармане пусто.

Меня загнали в угол. Первый раз? Нет. Я уже оказывалась на улице в безвыходном положении. Но сейчас все немного иначе, у меня больной ребенок, я беременна. Если сама я бы никогда не приняла предложение, то сейчас у меня попросту нет выхода. Константин меня не отпустит. А чтобы даже сбежать, нужны деньги.

Придется на время покориться судьбе. Опустить голову и принять его условия. А дальше время покажет. За это время попробую выяснить его реальные мотивы.

В бред про его отцовство я не верю. Мы делали ЭКО в серьезной клинике. Там бы такого просто не допустили. А Надюшка, как ни прискорбно это признавать, но это действительно может быть правдой.

Телефон продолжает звонить. Играет мне на нервах. Звук не могу отключить. Мало ли по поводу доченьки позвонят.

Но все же, что он хочет?

Сама не понимаю, как хватаю телефон со стола и принимаю вызов.

– Любань! – вздрагиваю от знакомо голоса. – Ты чего морозишься?

– Ты уже все сказал, Вениамин.

– А ты не нашла ничего лучше, как снюхаться с Огневым! – выкрикивает так, что отодвигаю телефон от уха.

– Это тебя уже не касается.

– Дурашка, – его голос смягчается. – Ты не понимаешь, что он за человек.

– Оказывается, я и тебя совсем не знала.

А сама убеждаюсь в своей догадке, у Константина какие-то разборки с Вениамином, а я у них как разменная монета.

– Э не, Люб. Я свой человек. Вспылил, погорячился. А этот тебя с потрохами сожрет. И детей не пощадит, – голос приобретает слащавые нотки.

– Вениамин, чего ты добиваешься? – спрашиваю раздраженно.

– Встретиться надо. Я тебе все про Огнева расскажу. И обещаю свою защиту. Ты даже не представляешь, куда вляпалась!

– Поздно спохватился. Ты поставил точку в наших отношениях. Теперь тебя это не касается! – отвечаю грубо. Ранее никогда не позволяла себе таким тоном говорить с мужем.

– Любочка, девочка, – вздыхает, – Мы столько всего прошли. Вспомни, как я тебе помог. Как был с тобой в самые трудные минуты. У меня провалилась предвыборная кампания, куча проблем. Я сорвался. Не выдержал нагрузки. Но никогда! Слышишь меня! – восклицает с запалом. – Я вас не брошу! Никогда! Погорячился просто. Но сейчас я остыл!

– Семья – это оплот. Это поддержка. А тебе я больше не верю, – оглядываюсь на вошедшего охранника.

– Пойми, ты в опасности! Дети под угрозой! Давай просто

встретимся на нейтральной территории. Я все тебе расскажу, а дальше ты примешь решение, – смирение, даже нотки раскаяния в голосе.

– Я больше не могу говорить, – хочу скорее закончить этот разговор.

– Люба! Не совершай ошибку, которую никогда себе не простишь! – выкрикивает, прежде чем успеваю нажать отбой.

Иду за охранником к машине. Душу разрывают сомнения. Кто из них большее зло, тот с кем прожила три года, или неуравновешенный незнакомец, от которого и правда неизвестно что ожидать?

Глава 7

Константин

– А вдруг? – смотрю в окно, выпал первый снег.

Наблюдаю за причудливым танцем снежинок, и даю себе мысленную оплеуху. Это только в сказке принц находит чистую и невинную девушку. В моем же случае у каждой женщины на моем пути есть расчет. Пора принять реальность. И закопать как можно глубже мечты о счастливой семье. Раз попробовал. На всю жизнь хватило.

– Ага, – ухмыляется друг. – Хотя не спорю, пальма первенства по стервозности явно у моей сестрицы. Но не обольщайся, Любка от нее недалеко ушла.

– У Любы есть один существенный плюс – она реально любит Надежду, – не могу не отметить этот факт. – А твоя сестрица, вряд ли с ней кто сравнится.

Волна отвращения подкатывает к горлу. Я был женат на сестре Стаса. Одержим ею. Это была не любовь – проклятье. Сколько лет не мог разорвать порочный круг. Ненавидел и не мыслил жизни без нее.

Если судьба хочет наказать, она отбирает разум. Мой попал в сети Святославы. Несколько раз я практически вырывался. Но она неизменно находила способ меня удержать. И при этом вместе со своей мамашей, мачехой Стаса, пыталась сжить брата со свету. Порядочно так ему жизнь поломала,

Лене тоже досталось.

Едва родила, отдала нашего с ней ребенка чужим людям. Убедила меня в смерти дочери. Все это время встречалась с моим другом, который стал моим врагом. А в итоге и вовсе попыталась его убить. Сейчас Святослава находится на лечении в психиатрической больнице. И мне до сих пор мерзко вспоминать свой безумный период жизни рядом с ней.

Во мне до сих пор живет ее отравка. Я никогда, ни одну женщину больше не подпущу к себе. Довольно, наелся сказок о любви.

– Она жена веника. Два сапога пара. Им выгоден весь этот фарс. Как и его игры с фондом. Отличная ширма для отмыывания бабла, – Стас продолжает ходить из угла в угол.

Я сам далеко не ангел. И Любе далеко до невинной страдалицы. Но в данной ситуации, пытаюсь анализировать трезво. Вспоминать не только трагические события, связанные с ней, но и брать во внимание ее положительные качества.

– Уже считай, нет. В ближайшие дни я добьюсь развода, – слова друга задевают что-то внутри. Хочется ему возразить, защитить ее.

Хоть против его аргументов и не попрешь. Но на удивление волна ярости отступает. Или это аура дома Стаса?

– Тут только можно пожелать тебе удачи. Я позвоню спецам, пусть подчистят инфу о тебе в инете. Пусть как можно дольше остается в неведении. Какой бы она ни была, а ребенок пострадать не должен, – Стас старается спрятать эмоции.

– Угу, пасиб, – киваю.

Остаюсь у них на ужин. Вожусь с детьми. Отгоняю тревожные мысли прочь. Восстанавливаю душевное равновесие перед возвращением.

Безумно хочу к дочери. Но к ней прилагается Люба, которая, как мне доложили, уже успела пообщаться со своим веником.

Этого червяка надо раздавить. Так чтобы не ползал под ногами. Бесит сам факт их контакта. А может их разрыв фикция? Как представляю его потные ручонки, которыми он к ней прикасался, так во мне зверь просыпается.

Но надо действовать осторожней. Не пороть горячку. Поэтому отсиживаюсь у Стаса дома. Сажаю своего зверя на цепь.

– Это аут... – друг входит в детскую, в руках сжимает мобильный. Взгляд растерянный... испуганный...

– Что стряслось? – мгновенно поднимаюсь.

– Стас?! Ты как стена белый! – восклицает Ленок.

– Выйдем... что ли... – говорит заплетающимся языком.

– Не тяни, выкладывай! – поторапливаю друга, когда мы снова оказываемся в кабинете.

– Мне только что сообщили, – обводит нас с Леной затравленным взглядом, – Случайно вскрылось... Славка... она сбежала... уже три месяца как за нее в психушке сидит другая девка...

Смотрю через окно автомобиля на танец снежинок за ок-

ном. Из головы не выходит звонок Вениамина. Воспоминания накрывают снежной лавиной.

Когда нашла Надюшу, я привела ее в убогую квартиру в цокольном помещении, которую снимала еще с двумя неизвестными девушками. По наивности полагала, что я могу просто так забрать ребенка. Не задумывалась, кто за ней стоит. И что это орудует целая мафия, которая делает миллионы на инвалидах и детях.

Тогда же я хотела лишь защитить ребенка. Хотя сама боялась каждого шороха. Уже больше трех лет скиталась по стране. Не имея документов, перебивалась случайными заработками, оборачивалась на каждый шорох. Ночью мучилась от бессонницы. Меня найдут! Это был самый страшный кошмар.

Мы с Надюшкой напоминали двух загнанных зверьков. Дрожали каждая от своего страха.

– Они придут! – прижималась ко мне малышка. – Они сделают тебе бо-бо.

Она не плакала. Лишь поджимала губки и смотрела на меня, округлив огромные серебристые глаза.

– Все будет хорошо, Надюша...

– Я тебе верю, – и вот за эти слова я поняла, что переборю все страхи, но не дам ее в обиду.

Позже я узнаю, что имя Надежда она себе выбрала сама. Своего имени не помнила. Как оказалась у этих людей тоже. Но малышка не переставала надеяться – ее спасут. Так она

стала Надеждой.

На примере этой маленькой и сильной девочки я осознала, что нет ничего невозможного.

Нас нашли ночью. Одели мешок на голову и затащили в грузовик. Меня без еды и воды несколько дней держали в сырой и затхлой коморке. Надюшу вернули к «работе». О себе я не так беспокоилась, а вот мысли, что малышка хромая, голодная, стоит на морозе и просит милостыню, разрывали сердце.

Я уже готовилась к неизбежности. Знала, что и меня хотят приобщить к их «бизнесу». Мне еще повезло, что не успели покалечить.

Здание взяли штурмом. Меня и других пленников освободили. А была не одна, этим нелюдям постоянно нужна была свежая кровь.

Тогда-то я и познакомилась с Вениамином. Молодой бизнесмен, начинающий политик. Это от него пришла информация в органы. Он поднял шумиху, поставил на ноги журналистов. И он обратил внимание на меня. Помог отыскать Надюшку, которая во время облавы была на «работе».

Сначала оплачивал жилье, давал деньги. А потом предложил брак. Сказал, что мы сможем удочерить девочку. В той ситуации – это показалось мне идеальным вариантом.

Да, я не испытывала к нему влечения как к мужчине. Но уже к тому моменту я давно перестала верить в любовь. А Вениамин – это стабильность и защита, это новая жизнь для

Надюшки. И я согласилась.

Он выполнил свои обещания. Оформил все документы, и Надюшка стала нашей дочерью официально. Он не обижал нас. Мы жили вполне сносно, невзирая на совсем непростой характер супруга.

Но я старалась, чтоб мы стали настоящей семьей. Никогда не забывала, что он сделал для нас с малышкой. Искренне хотела подарить ему ребенка. Сблизить нас.

До сих пор не вяжется у меня его поступок. Как он мог выкинуть меня из дома? Что у него было в голове?

Я уже никому не верю. Жизнь доказала, что предадут все и всегда.

А Константин тот и вовсе растопчет и уничтожит. Вопрос времени, когда это произойдет.

– Мамочка! – радостно восклицает дочь, едва завидев меня на пороге.

– Цветочек, как ты тут? – осматриваюсь по сторонам.

Все выглядит более чем позитивно. Дочь на постели в окружении кукол. Медсестра рядом с ней.

– Мне тут нравится! И я соскучилась! – заявляет с улыбкой. – А где папа?

Меня передергивает. Как можно едва знакомого мужика уже папой называть. С Вениамином так она вообще избегала этого слова. Да и начала его так называть только спустя полтора года.

– Скоро придет, – отворачиваюсь, прячу злобный взгляд. Надюшка слишком добра. Она у меня невероятная. Подхожу и обнимаю дочь. Теплота разливается по телу.

– Мое сокровище, – шепчу.

Время рядом с дочерью пробегает незаметно. Я забываю про проблемы, становится неважным, где я. Мы рассматриваем новых кукол, болтаем, смеемся. Тяжесть отпускает. Дочурка как солнышко, развеивает тучи в душе.

– Папа! – малышка первая его замечает.

Константин стоит в дверях и наблюдает за нами. Даже не представляю, сколько он вот так простоял.

– Надежда, – подмигивает.

В темных от гнева глазах появляются светлые лучики. Мой взгляд падает на его руки. Закрываю рот рукой, не даю сорваться гневным словам. Ненормальный! В руках он сжимает мой телефон.

Мужчина следит за моим взглядом.

– Любопытное сообщение, – полосует ледяным голосом. Переводит взгляд на дочь и тут же голос меняет интонацию. – Смотри, что я тебе принес, – протягивает малышке невероятно дорогую куклу.

Молчу, поджав губы. Сдерживаюсь из последних сил. Главное – не сорваться. Только не при малышке.

– Ты где был?

– Навещал крестника, – садится на край кровати.

Игнорирует меня.

– Да? – дочурка склоняет голову. – Он маленький?

– Очень. Еще совсем карапуз, – и снова хамелеон меняет цвет.

Теплота в каждом слове, движении. Бесит. Играет гад на моих нервах!

Пробую незаметно забрать у него свой телефон. Но где там. Он кладет его во внутренний карман пиджака. И продолжает как не в чем ни бывало общаться с Надюшкой.

Что там за сообщение такое? А положила телефон на тумбу около двери и никаких сигналов не слышала. Или я просто увлеклась игрой с дочерью?

Это не имеет значения! Никто не давал права безумцу копаться в моем телефоне!

Время тянется очень медленно. Я закипаю. Руки так и чешутся придушить его. Что за невозможный человек! Он же никуда не торопится, даже не смотрит в мою сторону. Лишь только доченька пытается втянуть меня в беседу. Но даже у нее это плохо получается.

– Можно с вами поговорить? – несколько раз подхожу с подобным вопросом.

– Потом, – неизменно получаю холодный ответ.

Наконец дочь засыпает. Глазки закрываются. На личике счастливая улыбка. Он целует ее в щеку. Меня в очередной раз передергивает.

Где он был, когда дочь милостыню просила?! Когда с больной ножкой стояла на морозе?!

– Что вы себе позволяете?! – шиплю, едва за нами закрывается дверь.

– Что? – выгибает бровь.

– Кто вам разрешил шарить по моему телефону?! Это личное! – сжимаю руки в кулаки.

Даже ради дочери проживать с ним на одной территории будет крайне сложно.

Константин поворачивается, идет по коридору. Не отвечает.

– Я задала вопрос! – едва поспеваю следом.

Он входит в гостиную. Вальяжным движением достает из кармана мой телефон.

– Прихожу я домой, иду к дочери, – начинает как всегда холодно, медленно, – Взгляд падает на тумбу, а там... – смотрит на мой телефон, – Любочка, помни – мы семья. Родная буду ждать тебя в любое время... Какое трогательное сообщение от веника, – на губах звериный оскал. Челюсти сжаты. Глаза – непроглядный мрак.

– И что? – выдерживаю его бесовской взгляд. – Я свободный человек, общаюсь с кем и когда хочу! Перед вами отчитываться не намерена.

Чего муж прислал такое сообщение, понятия не имею. Но его это не касается.

– Уверена? – делает шаг ко мне, нависает как скала.

– Вы мне никто. Даже если предположить, что вы действительно отец Надюши, то это не дает вам право указывать

мне! – кричу ему в лицо, и отталкивают от себя.

Под пальцами, через ткань, ощущаю каменные, напряженные мышцы. Он даже на миллиметр не двигается.

– Ты моя. Права на сомнительные контакты не имеешь, – поднимает руку, хочет взять меня за лицо. Пальцы замирают в миллиметре от моего подбородка, но он так и не прикасается. – Полагаю, я днем ясно выразился.

– Мне плевать, что вы там решили! – хватаю ртом раскаленный воздух. Между нами искрит, разгорается пламя. Ощущаю кожей обижающие языки гнева.

– А гордость у тебя имеется, Люба? Тебя из дома выкинули как мусор, а ты по малейшему зову готова бежать назад? – холодные слова отравляют нутро.

Уже собираюсь высказать нахалу все, что о нем думаю, а вместо этого охаю и хватаюсь за живот.

– Что?! Что случилось?! – придерживает меня за талию.

– Шевелится, – шепчу одними губами, прислушиваюсь к невероятным ощущениям.

Константин помогает мне сесть в кресло. Опускается рядом на корточки. Упускаю момент, когда его огненные руки оказываются у меня на животе.

Мы так и замираем. Время останавливается. Странные ощущения внутри малыш, а снаружи огонь, что опутывает меня словно кокон. Меня охватывает странное ощущение единения. словно в этот самый миг мы одно целое.

– Офигеть! – очень тихо и восторженно восклицает Кон-

стантин.

В его глазах плавится сталь. Серебристый огонь кружится в причудливом танце. Он улыбается, его лицо преобразается. Впитываю момент. Теряю ощущение реальности.

Его руки на моем животе, я никогда ничего подобного не испытывала. По венам течет раскаленная лава. По коже пляшут озорные искры.

Прихожу в чувство, только когда он убирает руки.

– Тебе надо отдохнуть. Я провожу, – говорит хрипло. Холод исчез из голоса.

Киваю. Я слишком потрясена, чтобы произнести хоть слово.

– У тебя в комнате ноутбук, по нему можешь следить за комнатой Надежды. Там все под контролем.

Снова киваю как болванчик. Послушно иду в свою комнату.

Что это вообще было? Подумать и проанализировать не успеваю. Я так измотана морально и физически, что просто засыпаю, едва касаюсь подушки. И надо признать, давно я так сладко не спала.

Утром меня никто не разбудил. Проспала до десяти тридцати. Смотрю на монитор ноутбука – в комнате пустота. Накидываю халат и мчу по ступеням вниз. Нахожу Константина и Надюшку мило общающихся на кухне. Мужчина самозабвенно нарезает ей что-то в тарелке.

– Доброе утро, – бросает на меня стальной взгляд. Холод

вернулся.

– Привет, мамочка!

– Доброе... – бормочу смущенно.

Я растрепанная, после сна, покрасневшаяся, перепуганная. Еще тот видок у меня. Хотя о чем я?! Какая разница, как выгляжу!

– Завтракай, собирайся, через два часа у нас встреча с врачом, – чеканит хмуро, поворачивается к дочери и одаривает ее улыбкой.

Ретируюсь обратно в комнату. Надо принять душ и собраться с мыслями. Все выходит из-под контроля. И я понятия не имею как себя вести? Что делать дальше?

Но здоровье дочери важнее всего. Ей необходима реабилитация. Обо всем остальном можно подумать позже.

Выхожу из ванны после душа, вытираю живот, невольно вспоминаю, как вчера его руки лежали на нем. По телу пробегают заряд электрических импульсов. Умываюсь холодной водой, чтобы сбросить наваждение.

Дорога проходит в привычном отчуждении Константина. Им с Надюшкой весело, а я вжимаюсь в угол и смотрю в окно.

В клинике нас встречает довольно молодой врач. На вид ему лет сорок. Я представляла хваленого специалиста явно старше. Короткая, ухоженная борода, пытливые карие глаза, очень обходительный, вежливый. На русском говорит отлично, с едва различимым акцентом. Представляется как Берхард Беккер. Целует мне руку при знакомстве.

Немцу удается с первых секунд разрядить обстановку. Он просит нас подождать, пока длится осмотр. Константин смотрит на меня зверем.

– Не забывай, что ты в положении, – шипит мне в ухо.

Хмурюсь. К чему эти его слова? Как всегда, его понять невозможно.

Когда осмотр заканчивается, мы проходим в кабинет для разговора. Прогнозы более чем радужные. Берхард практически уверен, что удастся полностью восстановить ручку. Но для этого потребуются серьезная реабилитация. Все же Павел Аристархович выполнил свою работу безупречно.

Врач часто обращается ко мне. Объясняет нюансы лечения. Не смотрю на Константина, но чувствую его убийственные взгляды. Что ему опять не так?

Стараюсь игнорировать. Продолжаю общение с врачом. Улыбаюсь. Я искренне благодарна этому человеку, он сказал слова, которые я так мечтала услышать. У Надюшки огромные шансы на полное выздоровление!

Конечно, в этом есть заслуга Константина. Нельзя отрицать факт, что врач и реабилитация стали возможны, благодаря его связям и деньгам. Но слишком много ярости во мне кипит. Он невыносим! Позже... возможно... я все же найду силы поблагодарить его... И как только найду способ встать на ноги, отдам все до копейки. Это долг. И я его верну. Не хочу быть ничем ему обязанной.

Когда разговор заканчивается. Мужчины переходят к фи-

нансовым вопросам, и Константин холодным тоном просит подождать меня снаружи.

Тут просить меня дважды не надо. Мне сложно дышать со зверем одним воздухом.

Иду в туалет. Умываюсь холодной водой. Щеки пылают. Поднимаю голову и вижу в зеркале девушку в маске и белом халате. Хмурюсь. Что-то смутно знакомое.

– Привет, Любань! – она снимает маску и широко улыбается, разводит руки в стороны.

– Ааа! – едва сдерживаю громкий крик радости, – Славка! Неужели ты?!

Без маски мгновенно узнаю одногруппницу Святославу.

– Я, – обнимает меня и целует в обе щеки, – Собственной персоной.

– Как я рада тебя видеть! – едва сдерживаю слезы радости. – Столько лет прошло!

– О да, давненько не виделись. Я смотрю, тебя можно поздравить, – кивает на мой живот и цокает языком.

– Да, – моя улыбка мрачнеет. Радость материнства плотно переплетается с ужасами последних дней.

– Ты чего! Не вешай нос, подруга! Я тут как раз для того, чтобы тебе помочь! – сжимает мою руку.

– Помочь? – растерянно переспрашиваю. – Как Слава?

– Я искала встречи с тобой. Так что извини, но я кое-что знаю о твоих проблемах. И у меня есть их решение. Подруга, я тебя не брошу в трудную минуту! – заявляет с железобе-

тонной уверенностью.

Глава 8

Константин

После разговора со Стасом, я ехал домой с твердым намерением наладить общение с Любой. Ради ребенка надо обеспечить ей комфортные условия, оградить от переживаний.

Надо наступить на горло боли и прошлому. Не время воскрешать призраков. Я был относительно спокоен. Зашел в комнату дочери. Даже залюбовался их общением. Она любит мою кроху, в том сомнений нет.

Мой взгляд скользнул по тумбе, на которой засветился экран телефона, извещающая о сообщении. Мельком пробежал по тексту. Доля секунды и мои демоны срываются с цепей.

Пока я думаю, как обеспечить ей комфорт, она пытается наладить отношение с бывшим? С тем, кто вытер об нее ноги? Вышвырнул без копейки на улицу?

Значит для нее я враг. А это ничтожество можно простить, он вполне годится на роль мужа! Что в голове у этой женщины? Руки так и чешутся вытрясти из нее правду!

Неужели у нее к нему чувства? Эта мысль ножом вошла под ребро. Она страдает от разрыва?

Мне почему-то было легче думать, что этот брак был основан исключительно на расчете. А оказывается, она не прочь простить веника и снова упорхнуть под его облезлое крыло. Размечталась!

И снова планы наладить общение летят псу под хвост. Я закипаю, поджариваюсь на медленном огне. Чтобы не сорваться, провожу в комнате Надежды как можно больше времени. Дочь успокаивает. Отрезвляет мысли. Усмиряет моих демонов.

Люба же ходит из угла в угол. Переживает, что ее телефон у меня. Еще бы от муженька сообщение пропустила!

Когда дочь засыпает, выхода нет. Приходится спуститься вниз для разговора. Как и думал, она сразу кидается в атаку. Столько ненависти в глазах. Разъяренная кошка.

А у меня адреналин бурлит в крови. Рука тянется к ней, в последний момент одергиваю себя. Не хочу к ней касаться. Сейчас ее все мысли заняты веником. Я в бешенстве.

И вдруг она охает, хватается за живот. Злость мигом уходит, остается только первобытный ужас. На все плевать, лишь бы с ребенком все было хорошо.

Усаживаю ее в кресло. Кладу руки на живот. А мне отчетливый пинок в ладонь... плыву. Тело накрывает теплой щекочущей волной. Мой сын. Сердце пускается в галоп. Пульс бьется в горле. Одурачительные ощущения. Даже преграды из одежды не чувствую, будто мои руки сквозь кожу проникли внутри, прямо к ребенку. Меня как молнией пронзает чувство единения. Дикое, непонятное. Такое со мной впервые.

К животу Славки, я таким образом не прикасался. Она его прятала. Стеснялась и вечно ворчала, что она похожа на корову. А в моих глазах тогда она была идеальной. Будущая

мать, что может быть лучше и женственней?

Но Люба... это иные ощущения. Ни с чем не сравнимые. Держать руки на ее животе и чувствовать жизнь.

И все же она чуть лучше Славки. Не стоит забывать какое у нее нутро. Заставляю себя провести ее в комнату.

Ночь проходит без сна. Я никогда не прощу эту женщину. Но и не причиню ей вреда. Я просто хочу, чтобы дети были со мной. Ради них живу.

Утром мне сложно смотреть на Любу. Во мне все еще бушует ураган противоречивых эмоций. Их надо обуздать.

Дочь помогает успокоиться. Но в клинике Любка беззастенчиво начинает флиртовать с врачом. Не удержался, напомнил ей, что она в положении.

Но ей нипочем. Уже ищет себе замену венику. Хищница всегда в поиске. А когда ему улыбается, глаза горят, щеки пылают. Нет. Не на того напала! Подобные выходы терпеть не намерен!

– Берхард, слюни подбери, – осекаю немца, как только за Любой закрывается дверь.

– Вы же не пара, – пытливо на меня смотрит. – Очень эффектная женщина, – закатывает глаза.

– Если и дальше хочешь, чтобы карьера вверх шла, тебя это не должно касаться, – выдаю холодно.

Мы давно знакомы, он отличный врач, но и при этом такой же бабник. Когда вызывал его, об этом аспекте не подумал, здоровье дочери занимало все мысли.

– Угрожаешь другу? – усмехается.

– Предупреждаю. Держи руки при себе. Она носит моего ребенка.

– Это не делает ее твоей женщиной, – хитро прищуривается.

– Займись лечением моей дочери. И не переходи мне дорогу, – полосую его взглядом. Брехард тушуетя и резко меняет тему.

А для себя отмечаю, что все же следует за ними присмотреть.

Выхожу из кабинета. Любы в коридоре нет. И где она ходит?

Она появляется минут через десять. Когда мое терпение приближается к критической точке. С ней как на вулкане.

Идет по коридору бледная как стена. Завидев меня испуганно округляет глаза. Бледнеет еще сильнее, если это вообще возможно, губы дрожат.

– Тебе плохо? – тревога сдавливают грудь.

– Нет! – отвечает поспешно. На дне огромных глаз плещется утробный ужас. Так дико на меня она еще ни разу не смотрела.

– Как ты можешь знать о моих проблемах? Мы не виделись столько лет, – я в ступоре от ее слов.

– У нас общий враг, дорогая, – вздыхает. – Думаешь, Константин только тебе жизнь портит? – закусывает губу, пыта-

ется сдерживать слезы.

Имя мужчины из ее губ режет по нервам. Неприятный озноб пробегает по спине.

– Объясни, пожалуйста, я не понимаю, – выдаю глухо.

– Это страшный человек. Помнишь мою маму? – берет меня за руку и уводит в одну из туалетных кабинок. Закрывает дверь.

– Помню, – киваю.

В воспоминаниях у меня приветливая женщина, которая вечно поила нас чаем и угощала тортами.

– Он засадил ее в тюрьму. На очень большой срок. Еще одна женщина, подруга моей матери вообще погибла. И я чудом выжила, – уголком салфетки вытирает себе глаза.

– Зачем ему это? – хмурюсь.

При всем моем враждебном настрое к Константину, не могу понять, зачем ему понадобилось так поступать с женщинами?

– Деньги, милая, власть. И не только, ему нравится ломать судьбы. Он не в себе! Помнишь моего брата? – держит меня за руку и не отпускает.

– Стас... кажется, – смутно припоминаю кареглазого парня.

– Да, он. Вот он тоже его на свою темную сторону перетянул. Они обобрали нас с мамой. Мне он вообще страшную участь приготовил, еле спаслась, – всхлипывает.

Я вспоминаю, как Константин заботится о Надюшке. Мо-

гу поверить, что он безжалостен с конкурентами. Но женщины...

И с другой стороны Слава, которая дрожит от страха, едва сдерживает истерику.

– Как-то даже не знаю, – не нахожу слов, чтобы ответить.

– Сейчас нет времени, тебе все подробно рассказывать. Я знаю, что он считает твою дочь своей. Но это не так. Ему просто нужен ребенок, для своих гнусных целей. И даже если Костя кажется добреньким, уж поверь, он просто мягко стелет для своих интриг. Усыпляет бдительность, – говорит быстро, смотрит мне в глаза, не отпускает взгляд.

– А ты с ним что... встречалась? – тут же краснею от этого вопроса.

Вот зачем спросила? Какое мне дело? Но почему-то этот вопрос занозой засел у меня в голове.

– Он делал попытки заманить меня в свои сети. И поверь, за отказ я дорого заплатила. Сейчас приходится скрываться. Потому обо мне ни слова, – прикладывает палец к губам.

Что такое быть в бегах, я знаю.

– Сочувствую, Слав. Скрываться... это никому не пожелаешь, – тяжело дается мне этот разговор.

Пока вся эта информация еще не укладывается в голове.

– Он и тебя доведет или до тюрьмы... или что хуже. А детей себе заберет, – и столько боли и отчаяния в ее глазах.

– И что ты предлагаешь?

– Ударить первыми. У меня есть план. Но мне надо твое

согласие. Вместе мы его переиграем. И поверь, я сделаю все, чтобы ты с детьми ни в чем не нуждалась! Любань, ты же мне как сестра, – порывисто обнимает меня.

А я не знаю, что ей ответить. Слишком большой шок. Слава и это улавливает.

– Ты все перевари. Пройдет время, и мы обязательно встретимся. Главное – про меня ему ни слова. Иначе, – вздрагивает, – Подпишешь мне смертный приговор.

– Не скажу, – меня саму колотит.

– А теперь иди, чтобы он ничего не заподозрил, – целует меня в щеку. – Теперь ты не одна подружка!

– Спасибо, – киваю и выхожу из кабинки.

На негнущихся ногах иду по коридору. В голове мыслей нет, только гул, виски пульсируют.

Навстречу мне идет Константин. Смотрит на меня с тревогой.

– Тебе плохо?

–Нет! – отвечаю слишком поспешно.

Что ты за зверь такой Константин? Неужели Слава права? Или...

На улице подставляю лицо мокрому снегу. Снежинки падают на пунцовые щеки. Голос Славы в моей голове не стихает. Константин буравит взглядом. Ощущаю холодное прикосновение стальных глаз, будто касание лезвия по коже.

Держать себя в руках все труднее. Мне надо побыть одной. Обдумать полученную информацию.

Когда-то мы были дружны со Славой. Я неоднократно бывала у нее дома. Но потом наши пути разошлись. У меня настала черная полоса.

Как сложилась ее судьба, я тоже не знаю. Но у меня стойкое ощущение, что с Константином их связывает гораздо больше, чем она мне рассказала.

Могу ли я доверять человеку из прошлого? Я ведь понятия не имею, как она изменилась за это время.

Могу только сказать, что Слава напомнила мне о студенческих временах беззаботности. Тогда мир казался красочным, а небо было безоблачным. А потом... я поняла, что за этими красками скрываются разочарования и человеческая жестокость.

– Тебе тоже следует провериться. Не нравится мне твое состояние, – раздается совсем рядом его голос.

Вздрагиваю. Отшатываюсь. Подкрался сзади. Дышит мне в затылок.

– Угу, – бормочу.

Здоровьем ребенка пренебрегать я не собираюсь. Но что если мои дети в опасности? Я доверяла Вениамину, а в итоге оказалась на улице.

Доченька стоит рядом. Константин ей уже сообщил новость о реабилитации. Причем нашел нужные слова, все правильно объяснил. А я в своем состоянии могу лишь кивать головой.

Хорошо, что малышке не потребуется находиться безвы-

лазно в клинике. Достаточно возить ее на процедуры. Пока так, а дальше будет видно, какие будут результаты лечения.

– Заедем пообедать, купим вам все необходимое, или ты предпочитаешь поехать домой? – интересуется мужчина, помогая нам сесть в машину.

– Ты интересуешься моим мнением? – усмехаюсь. – Что-то новенькое.

– Я хочу слышать о твоих желаниях и потребностях, – отвечает тихо.

– Тогда оставь нас в покое, – бормочу себе под нос.

– Исключено, – качает головой.

Водитель выруливает со стоянки.

– Может, вы прекратите ссориться? – интересуется дочь, надув щечки.

– Мы не ссоримся! – отвечаем синхронно.

– А не маленькая! Все вижу, – изрекает взрослым, строгим голосом.

Дети действительно подмечают многое. Особенно Надюшка. После всего пережитого она всегда улавливает любые изменения в настроении, окружающих ее людей.

– Мама просто устала. Переезд, малыш в животике, – отвечает Константин, гладит ее по голове.

И ведь не фальшь это. Он действительно проникся Надюшкой. Не причинит он ей вреда, чувствует мое материнское сердце. А гадкий голос в голове нашептывает: «Это не мешает ему избавиться от тебя!».

– Папа Вениамин ее обидел, и теперь она тебе не верит? – от этого вопроса меня подбрасывает, как от удара тока.

Ее не обманешь. Я избегала разговора, но Надюшка сама обо всем догадалась.

– Надежда, так бывает, что взрослые перестают жить друг с другом. У вас с мамой начинается новая жизнь, а Вениамин... – мужчина делает глубокий вдох, его ноздри раздуваются. Даже имя моего мужа ему сложно произносить, – Он сейчас занят.

Надо отдать должное Константин подбирает слова. Мне хочется сказать, что папа тебя по-прежнему любит. А язык не поворачивается. Хищник никогда не позволит малышке увидеться с Вениамином. Даже если муж и захочет. Как там он его называет: «червивый веник». Дурацкое прозвище.

– Теперь вы с мамой будете вместе? – хитро вертит головкой и переводит взгляд с меня на него.

– Мы будем вместе о тебе заботиться, – говорю, обнимая дочь.

– Будем, – повторяет с придыханием.

Поднимаю голову и тону в его взгляде. Темнота уступает место свету, в глазах пляшут маленькие серебристые искры. Мужчина очень нежно кается волос малышки. Задевает в моей душе неведомую мне струну. Злость отступает. На краткие мгновения образуется шаткий мир. Дочь заслоняет собой весь негатив.

Решив, что с нас на сегодня достаточно, мы поехали пря-

миком домой. Если это место так можно назвать. Но пока другого места проживания у нас нет.

Стараюсь не общаться с мужчиной. Пытаюсь его игнорировать. Хоть это и сложно. Он, так или иначе, всегда крутится рядом. Концентрируюсь на дочери. Но она быстро засыпает. Слабенькая еще после больницы. Да и как бы я ни старалась уберечь Надюшку, а потрясения коснулись и ее.

Ухожу к себе в комнату. Падаю на постель и смотрю в потолок. Пытаюсь упорядочить хаотичный бег мыслей.

Звук нового сообщения разрезает тишину. Под грудью сдавливает. Дрожащей рукой беру телефон. Вениамин.

«Любочка, над тобой нависла угроза! Огнев готовит для тебя ловушку. Я не оставлю тебя, дорогая! Свяжись со мной, как только сможешь!»...

Глава 9

Они как сговорились! Рука тянется заблокировать номер Вениамина. В последний момент все же не решаюсь. Он ведь делал хорошие вещи! Он действительно мне помогал! Мы были семьей, пусть и не в самом лучшем смысле этого слова.

Я откровенно запуталась. Закрылась в ракушку и не хочу вылезать. Я никому из них не верю. Идеально вообще жить отдельно. Отгородиться ото всех. Но так не выйдет.

Вечер мы провели вместе с Константином и Надюшкой. Смотрели сказки, играли, ужинали. Между собой мы с ним не общались. Но все же тяжесть на сердце спала. Не помню я таких уютных вечеров. Вениамин предпочитал проводить время у себя в кабинете. С Надюшкой он никогда не играл.

Утром, когда я проснулась, Константина дома не оказалось. Нам сегодня не надо в клинику, да и настроение в целом неплохое. Тревожные мысли отошли на задний план. Может, это трусливо, но я пока решила присмотреться. Лучше понять Константина, возможно даже спокойно поговорить с ним без эмоций. Выяснить его планы. А дальше будет видно.

Только слова Славы, все равно не дают покоя. Зачем Константину уничтожать женщин? Но что-то мне подсказывает, подруга еще появится на горизонте. В клинике она явно найдет способ еще раз со мной встретиться.

– Мама, мне тут так нравится! – восклицает дочь.

Вот за эту улыбку я многое готова отдать, на многое закрою глаза. Только я опасаюсь, что в любой момент зверь может обнажить когти. И это все равно заденет мою девочку.

– Любовь Павловна, собирайтесь, – к нам подходит водитель.

– Зачем?

– Константин Владимирович ждет вас, – изрекает голосом робота.

Больше никакой информации. В этом он весь. Приказал, и мы должны по первому зову бежать.

– Ура! Мы едем! – дочь не разделяет моей злости. Ей все в радость.

Потому ничего не остается, как послушно собираться.

Вениамина вообще не интересовало, где я провожу время и что делаю. А Константин мне не муж, у нас нет никаких отношений, но требует гораздо больше. Скоро каждый шаг начнет контролировать.

Нас связывает только его сомнительное отцовство. Надо все же взглянуть на бумаги. Возможно, как он и предлагал сделать повторный тест.

А вдруг он все же хочет отобрать у меня детей? Слова Славы медленно начинают прорастать во мне.

Пока решаю, что надеть из своего скромного гардероба, который успела захватить, пакуя чемодан впопыхах, в комнату заходит пожилая домработница.

– Любовь Павловна, я тут у вас приберусь, – заискивающе улыбается женщина.

– Хорошо... – Константин представлял ее, вот только имени я не запомнила.

– Я Лидия, – уловив мое замешательство, представляется. – Надо же! Хозяин нашел свою дочь! Это такая радость! А она, по всей видимости, любит поговорить.

– Угу, – не знаю, что на это ответить. Продолжаю перебирать свои вещи.

– Вы не переживайте, он никогда не причинит зла Наде, – щебечет миролюбиво. – Ребенка от любимой женщины он будет боготворить. Как и мать девочки. Ох, – всплескивает руками, – Какая у них любовь была! Такая раз в жизни бывает. Пылинки со своей супруги сдувал, – резко оборачиваюсь.

Женщина закатывает глаза, будто предается сладким воспоминаниям. Можно подумать, это происходило с ней! А меня, ее слова коробят. словно с этой милой улыбочкой ножом мне по сердцу проводит.

– Что так сильно любил? – спрашиваю осипшим голосом. И кто снова меня за язык дергает? Не могла промолчать? Какое мне дело до прошлых отношений Константина!

– Неземная любовь! – говорит так, словно сообщает мне о миллионном выигрыше. – И после хозяйки ни одна женщина тут не проживала. Так и не пережил расставания. А вот для вас сделал исключение.

– Так чего же они расстались, если такая неземная лю-

бовь? – спрашиваю язвительно. Меня снова начинает колотить.

Хотя вот сейчас причина мне неясна. С кем Константин был, или будет – это его личное дело.

– Хозяин очень специфический человек, при всех его достоинствах, – вздыхает, мгновенно в голосе появляется грусть. – Любить любил, но вот изменял он безбожно. Такая натура мужская, – вздыхает. – Но что это я вас отвлекаю, – машет рукой. – Вы собирайтесь, Любовь Павловна, а я позже зайду прибраться.

Она выходит, а меня не покидает ощущение, что женщина специально пришла, чтобы вылить на меня вот эту информацию.

Прискорбно. Но очередной неприятный осадок осел у меня в душе.

Мы едем в машине, Надюшка смотрит в окно. Комментирует увиденное. Я стараюсь улыбаться, а сама едва сдерживаю слезы. Почему?

Я хотела приоткрыть завесу, кто такой Константин? Желание исполнилось. Если он неспособен хранить верность любимой женщине – он может предать кого угодно.

У меня в голове сотни вопросов. Кто она его жена? Как позволила своей дочери оказаться в лапах чудовищ? Где она сейчас? Что между ними произошло? Почему он считал Надюшку погибшей? Голова пухнет.

Еще меня печалит сам факт, что я вообще размышляю над этой информацией. И эта горечь во рту... Неужели, я реально думала о нем лучше, чем оказалось на самом деле.

– Мамочка, ты грустная, – гладит меня по руке малыш-ка. – Что случилось? Тебя кто-то обидел?

– Все хорошо, цветочек. Просто задумалась, – дочь снова читает меня как открытую книгу. Надо лучше контролировать свои эмоции.

Водитель привозит нас к самому дорогому торговому центру в столице. Вениамин обходил его десятой дорогой. Мы с доченькой одевались на распродажах. Муж же заказывал себе вещи немного дороже, или шил на заказ. Политик должен выглядеть на все двести, так он говорил. А нам... и так сойдет...

Константин нас уже ждет. Подходит к машине и помогает нам выйти. Он как всегда холоден и сдержан со мной и расцеловывает дочь. Надюшка одаривает его радостной улыбкой. Доверчивая моя девочка.

Другой ребенок на ее месте, после всего пережитого, замкнулся бы в себе, а она нет. Все так же продолжает смотреть на мир с любовью, старается видеть только позитивные черты в людях.

Торговый центр абсолютно пуст. Ни одного посетителя. Только продавцы в магазинах.

– А где люди? – спрашиваю растерянно.

– Зачем нам люди? – выгибает идеально очерченную

бровь.

– Должны же быть посетители... середина дня...

– Их нет, – пожимает плечами и увлекает нас вглубь центра.

– Ты что... – меня посещает смутная и нереальная догадка, – Закрыл центр для всех...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.